

НЕОИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС РОССИИ И ЕГО СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ

І. Вопрос о собственности и его значение для новой индустриализации

Россия достойна прогресса и выстрадала его, а ее прогресс достигим *только путем новой индустриализации* – такова позиция, которая постепенно превращается в общую и общественную. В высшей степени примечательно, что *курс на новую индустриализацию* стал одним из основных программных требований главных политических сил, даже самых противоположных.

Необходимость новой индустриализации признана государственным руководством страны, а также на обоих флангах политического спектра: и левом, и правом. Исключение составляют, как увидим, лишь деятели крайне правой реакционной альтернативы.

В контексте электорального цикла 2011-2012 гг. к новой индустриализации России наперебой призывают Общероссийский народный фронт, КПРФ, ЛДПР, «Деловая Россия», «Манифест правого дела» и т.д. Неоиндустриальный консенсус достигнут, как минимум, в заявлениях действующих политических сил страны. До сих пор нашей стране навязывали консенсус извне, а теперь она отвергает чужестранный в пользу своего, целиком отвечающего ее стратегическим и геополитическим интересам. Это феномен исключительной значимости, поскольку сопряжен с переориентацией общественного сознания на передовые ориентиры современного социально-экономического прогресса.

Вместе с тем было бы неправильно переоценивать степень готовности общества и его политических сил к осуществлению неоиндустриальной модернизации. Несомненно, наблюдаемый сейчас феномен обозначил готовность декларировать разворот к новой индустриализации. Но этого мало, чтобы перейти от слов к делу. Цель достижима только в единстве со средствами, а единства между ними еще нет. И потому неоиндустриальный консенсус преждевременно считать полноценным. Для полноценности ему не хватает адекватного системного консенсуса – по поводу базисной формы собственности.

Проблема состоит в следующем: хотя в своем отношении к новой индустриализации общество, по-видимому, в принципе определилось, оно все еще не выработало своего от-

ношения к вертикальной интеграции собственности, труда и промышленного капитала. Пока не достигнуто принципиальное социальное согласие по поводу того, на какой системной основе, при опоре на какую форму собственности разворачивать новую индустриализацию, до тех пор неоиндустриальный консенсус будет бессистемным, а значит безуспешным, не подкрепленным переходом от слов к делу.

Неоиндустриальный консенсус России необходимо превратить из бессистемного в системный, сделав выбор в пользу вертикально-интегрированной, государственно-корпоративной формы собственности.

Актуальность вопроса о выборе базисной формы собственности, адекватной задачам современного развития, диктуется также своеобразием теперешнего социально-экономического положения. Наполненное множественными проявлениями системного кризиса, оно придает текущему моменту характер поворотного, делая очевидным тот факт, что страна нуждается в кардинальном обновлении движущих сил и переходе на принципиально новый этап своего развития, а значит – в смене базисной формы собственности.

Перед судьбоносным системным выбором Россию объективно ставит теперь настоятельная необходимость диверсификации экономики посредством осуществления новой индустриализации – технотронной, высокотехнологичной, цифровой. Наша страна опять стоит на перепутье, ей вновь предстоит избрать путь своего дальнейшего движения. И потому для нее особенно важны четкие ориентиры, с помощью которых можно точно идентифицировать негодные развилки, с тем чтобы избежать их.

I.1. Этапное противоречие России: ретроспектива и перспектива

В числе первых в ряд этапных ориентиров входит переосмысление трансформационного периода, осознание подлинной сути и последствий «радикальных реформ». Отношение общества к ним не случайно вызывает сейчас вспышку пристального интереса. Органически связанная с переориентацией на верную перспективу развития, тема переместилась в фокус зримого противостояния, где схлестнулись друг с другом реальность и домыслы, истина и фальсификация.

Противники истины стремятся реабилитировать «радикальные реформы» – в надежде и стремлении устроить их «второе пришествие», так как полагают, что недореформировали Россию. Сторонники истины, напротив, вскрывают саму подоплеку состоявшейся трансформации – сплошь асоциальную и реакционную по целям, методам, последствиям.

Ни экономическое развитие как таковое, ни усиление экономической и геополитической мощи России в цели системной трансформации не входили. Хотя подноготная таилась за семью печатями лжи и обмана, научный анализ легко сбрасывал всякий покров тайны. Наука с самого начала предупреждала общество: «Осуществляемые преобразования подчинены не подъему экономики, производительности труда и благосостояния народа, а созданию класса собственников путем форсированного накопления *частного* капитала»¹.

На деле реформаторы преследовали сугубо классовую антисоветскую цель, связанную с передачей собственности и политической власти классу буржуазии, спешно возрождаемо-

му за счет лихорадочной внеэкономической денационализации. Откат назад, к буржуазным отношениям собственности дооктябрьского образца 1917 г., к пережиточному частнособственническому капитализму – такова была сверхзадача утилитарно антисоветских реформ 1990-х гг.

К сожалению, тогдашняя расстановка сил сложилась не в пользу прогресса и науки. Единственную организованную силу представляли тогда реформаторы, всемерно поддерживаемые иностранным капиталом, в то время как противостоящие силы оказались дезорганизованными и парализованными. Оттого-то тщетно звучали научные предостережения. Их старательно заглушали, им не давали достучаться до общественного сознания, наглухо отгороженного от истины железным занавесом новоявленной буржуазной свободы да демократии, или власти нетрудового меньшинства против трудового большинства.

Реформаторы изображают события 1991-1992 гг. как революцию, охотно претендуя на лавры революционеров. Однако их претензии безосновательны. Системный критерий социальной революции простой, но строгий – это разрешение основного противоречия общества и подъем социально-экономического развития на одну историческую ступень вверх.

В частности, на соответствие по данному критерию не проходит первый политический переворот 1917 г., в сущности дворцовый, устроенный буржуазными «верхами» – февральский, но вполне проходит второй, совершенный трудящимися «низами» – октябрьский. Причем, что важно, с помощью лишь научно строгого системного критерия можно досконально разобраться в том, отчего разразившаяся ожесточенная Гражданская война велась не столько между октябристами 1917 г. и монархистами, сколько между октябристами и контрреволюционными буржуазными февралистами. Ведь это факт: не знамя монархии, а знамена свободы частной собственности и свободы торговли несла на своих штыках белогвардейщина – деникинщина, колчаковщина и т.д.

Если придерживаться научного критерия, то реформаторы 1990-х гг. являются политическими преемниками контрреволюционных февралистов. Для тех и других идеалом служит дооктябрьский капиталистический порядок 1917 г. – частнособственнический, старорежимный, дореволюционный, обильно сдобренный пережитками самодержавия и крепостничества. В точности такой же идеал, абсолютно реакционный, присущ и самим «радикальным реформам».

Каковы действия, таковы и последствия. Реакционный путь ведет к реакционному же состоянию. Реформы 1990-х гг. отнюдь не разрешили основного противоречия нашего развития. Напротив, они только поменяли местами противоположные полюса, перевернули их вспять, заменив номинальное господство национализированной собственности на открытое и реальное господство частнокапиталистической. В итоге противоречие приняло форму резкого антагонизма – куда более острого, чем в советские времена, и вылилось в общесистемный кризис, ярко выраженный в дезорганизации производства машинных средств производства, расстройстве расширенного воспроизводства производительного капитала, деиндустриализации. Из-за перерастания вследствие реформ в жгучий антагонизм, основное противоречие между полярными отношениями собственности и вызывает теперь к новому системному выбору.

По законам истории частнособственнические реформы объективно суть реакционные, ибо составляют полосу исторической реакции старого и низшего на новое и высшее. Буду-

чи носителями частнособственнической контрреволюции и реакции, реформаторы напрасно домогаются звания революционеров. Все те, кто возносит отсталое над передовым, а низшее – над высшим, олицетворяют типичных реакционеров. Стало быть, реформаторам по праву принадлежат разве что лавры реакционеров. Единственная их заслуга заключается в том, что пореформенная Россия проходит зигзаг исторической реакции, тяжелейшей по своим угрозам и вызовам. Будущие историки, думается, так и станут писать историю антисоветских реформ – как историю brutальной, беспросветной социально-экономической реакции. Схожее видение буквально витает в нынешней социальной атмосфере: «Историки еще надорвут пупки над реформаторским слабоумием»². Уточним только, что слабоумие реакционеров – это лишь субъективно выражаемое ими врожденное слабоумие частнособственнической системы, осложненное к тому же болезненным ее старчеством.

Попятная смена полюсов системного противоречия, трансформация его в полукрепостнический социальный антагонизм – это для современной эпохи настолько из ряда вон выходящее событие, что долго еще будет предметом различных исследований. Вместе с тем постсоветская история тоже дает серьезные основания для переосмысления советской. Существует ряд принципиальных пунктов, по которым требуется преодоление ложных стереотипов, догм и догматов. Мы затронем здесь только один из них.

Какова бы ни была природа советского строя, его необратимость обернулась фикцией. Можно спорить о соотношении субъективных и объективных факторов, но сам по себе свершившийся факт бесспорен. И должен быть принят за отправной пункт основательного причинно-следственного анализа.

По генеральным законам истории завоевания социальной революции обратимы только до тех пор, пока не закреплены объективно, всей мощью и монолитностью экономического базиса, пока они удерживаются лишь внеэкономическим образом, силой политической надстройки и принуждения. На протяжении всего такого периода общество пребывает фактически в состоянии перманентной гражданской войны, которая принимает либо открытые и насильственные формы, как в 1918-1921-х гг., либо до поры до времени скрытые, теневые, подспудные, как в 1922-1990-е гг.

Пока новые и передовые начала не утвердились бесповоротно, или экономически, социальная борьба продолжается. По ходу ее формы гражданской войны непрестанно чередуются: главенство переходит от одной из них к другой – то политической, то экономической, то идеологической. В конечном счете преобладание на том или ином историческом отрезке каждой конкретной формы стоит в прямой зависимости от внутренних и внешних условий, от концентрации социальной базы и сдвигов в расстановке сил, от изменчивого соотношения между старыми и новыми началами.

Прекращение военной фазы в 1921 г. стало не концом гражданской войны, а началом ее идеологической и экономической фазы. Она продолжилась, но только уже в «холодных» формах, сменивших канонадную. Проиграв на полях вооруженной битвы, февралисты – с целью теневого сколачивания своей социальной базы в новой исторической обстановке – пошли иным путем, переключившись на экономический саботаж начал советского госкапитализма и идейную борьбу за умы, сделав главным своим оружием мздоимство, взятку, стяжательство, коррупцию и прочие «пережитки» частного капитализма.

Живое, образное, гротесковое описание проверки советских людей прелестями торго-

шеского мира дал М.А. Булгаков в своем закатном романе – «Мастер и Маргарита». Проверки старым советские люди не выдержали. Общественные условия 1930-х гг. изменились не настолько, чтобы изменить людей. Экзамен на бескорыстие отношений прошли всего лишь два человека – мастер и его Маргарита. Формально лишь советские, экономические отношения ежечасно продуцировали элементы антисоветской социальной базы. Прибегнув к аллегорическому языку библейской мистики, пронизательный писатель изобразил самое сокровенное, правдивое, никем больше не превзойденное проникновение в глубинную суть той эпохи. Он показал в действии не что иное, как способ изнаночного разъедания основ непрочного еще государственного капитализма едкой кислотой частного. Добавим, что после Великой Отечественной войны сила разъедания нового старым неизмеримо выросла, ибо в унисон с теневым процессом синхронно заработал еще хозрасчетный капитализм.

Фактически весь период своей почти 70-летней истории советское общество, экономически и политически обратимое в антисоветское, переживало состояние гражданской войны. Ряд отчетливых ее проявлений обнаруживался даже в событиях Великой Отечественной, хотя в те времена социальная база буржуазной контрреволюции была сведена к минимуму.

Часто высказывается мнение, весьма распространенное, будто Советский Союз надорвался в гонке вооружений и пал, экономически обессиленный ею. Подобное мнение в корне ошибочно. Оно полностью опровергается исторической практикой СССР. Послевоенная гонка вооружений не идет ведь ни в какое сравнение с довоенной, а тем более военной, когда она протекала с куда большим напряжением сил гораздо меньшего по возможностям промышленного потенциала. Но индустриально-экономическая мощь СССР тогда только укреплялась. Если причина в гонке вооружений, СССР должен был надломиться еще до Второй мировой войны или, самое позднее, во время нее. Тем не менее Советский Союз креп и усиливался, а не слабел. Значит, дело не в гонке вооружений и ссылка на нее абсолютно безосновательна.

И верно, Советский Союз был надломлен не гонкой вооружений: его надломил частнокапиталистическая реакция. Не против США проиграл СССР свою «холодную войну», а против февралистов. В «холодной войне» принципиально иного, внутреннего характера потерпел он поражение, а именно – в перманентной гражданской войне, беспрецедентной по своей семидесятилетней длительности, уникальнейшей по разнообразию текучих и сменяемых форм, их чередованию и сочетаниям.

В 1991 г. победили реакционеры, унаследовавшие контрреволюционную эстафету февралистов 1917 г. Но их победа тоже временная. Уже в 1998 г. они фактически потеряли ее смрадные плоды, отринутые Россией, став калифами на час. По-настоящему генеральное сражение между февралистами и октябристами еще впереди, причем пойдет оно в первую очередь за перевод социального антагонизма дооктябрьского типа в форму неантагонистического противоречия, за утверждение гуманистических начал и отношений в обществе.

Вопреки поспешным и беспочвенным уверениям реакционеров, побежденным оказался не социализм. Нельзя победить или уничтожить то, чего нет и пока еще нигде ни разу не было. Социализм зиждется на расширенном воспроизводстве свободного времени работников, и, будучи реально установлен, столь же несокрушим для них, как само их свободное время. До сих пор современная эпоха знает лишь общество прибыли и не знает общества

свободного времени. Материальные предпосылки перехода от одного к другому пока только накапливаются в ходе развития производительных сил и производственных отношений, так что он олицетворяет будущее, а не настоящее или тем паче прошлое. Этот переход предстоит впереди, а не лежит позади.

При развале СССР побеждены были экономически непрочные, самые начальные и хрупкие формы и отношения, свойственные высшей, исторически последней стадии развития капиталистического способа производства – госкапитализму. Они пали, поскольку давно еще, реформами 1950-1960-х гг., были основательно подорваны «хозрасчетом предприятия», по сути – хозрасчетным капитализмом. В последнем, собственно, и заключалось ядро всей антисоветской, частнособственнической реакции. Лишь благодаря долгой подготовительной и теневой работе хозрасчетного капитализма буржуазная контрреволюция сколотила мощную социальную базу, изменив к 1980-м гг. расстановку сил целиком в свою пользу.

К сожалению, научное понимание госкапитализма все еще не утвердилось в сознании общества. По отношению к нему преобладают дремучие стереотипы и догмы. Одни считают его государственным регулированием капитализма мелких частных предприятий и лавочек, другие – связывают с автократическим государственным режимом, третьи – относят к минувшему укладу. При всем различии есть и кое-что общее: призрак госкапитализма является, словно дух в «Гамлете», всем, но почему и для чего – это для носителей ложных догм и стереотипов непостижимо. Впрочем, появляются и новые гипотезы. К примеру, одна из них увязывает призрак с необходимостью обуздания финансового кризиса: «На повестку дня встали вопросы эффективного функционирования новой версии старого уклада – госкапитализма, сложившегося в послекризисный период»³. Но, к сожалению, понимание сути здесь все равно неверное.

В действительности *госкапитализм является самой высокой, исторически последней стадией развития всего капиталистического способа производства, когда общегосударственному совокупному капиталисту противостоит совокупный работник, не менее экономически и политически ассоциированный*. Современный передовой капитализм достиг государственно-корпоративной стадии, а государственный капитализм – это уже стадия, следующая за ней. Ближе всех подошли к стадии госкапитализма и все больше втягиваются в нее Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Австрия, Швейцария, Германия, Франция, Великобритания, Австралия, Канада, США. В этих-то странах чаще всего витает призрак госкапитализма – призрак ближайшего будущего всей мировой экономики, всей человеческой цивилизации.

Вовсе не старый уклад представляет госкапитализм. Суть его в том, что он отрицает частный капитализм, являясь исторически *первым отрицанием общества прибыли* – на основе закона вертикальной интеграции. Между прочим, теоретически ясно не только то, что предшествует госкапитализму, но и то, что следует за ним. *Вторым отрицанием капитализма*, исторически уже окончательным и бесповоротным, станет общество свободного времени, используемого для орудийного превращения науки в непосредственную производительную силу, т.е. общество поистине свободного творческого труда, освобожденного из-под гнета ежедневных и ежечасных проблем физического воспроизводства человека.

К несчастью для СССР, начавшее было пробиваться усилиями Л.Б. Красина, В.И. Ле-

нина, Г.М. Кржижановского, Ф.Э. Дзержинского научное понимание госкапитализма идеологически раздавила и надолго вытравила ложная установка И.В. Сталина в 1925 г. Идеология перескочила сразу в отдельно взятый «социализм», хотя следовало всемерно наращивать и укреплять экономические основы госкапитализма, утверждавшегося преимущественно во внеэкономических, волевых, планово-директивных формах. Естественно, идолопоклонническая идеология, все более отрывающаяся от реальности, объективно становилась антисоветской, потому как усиливала влияние буржуазной, легально выступавшей в облике хозрасчетной. В 1965 г. последовал переход от хозрасчетной идеологии к хозрасчетному экономическому строю. Дерзновенная пионерская попытка исторически первого отрицания общества прибыли провалилась. Частный капитализм одержал экономический верх над формальным государственным. Не за горами был и политический реванш февралистов.

Остальное общеизвестно. Функцию перехода буржуазной контрреволюции из скрытой дотолы формы в открытую выполнила «перестройка», которая свелась к общесоюзному саботажу оптовой и розничной торговли по чилийскому примеру 1973 г. Прилавки изолировали от складов и предприятий. Промышленные предприятия, совхозы и колхозы продолжали работать в будничном режиме, выпуская продукцию. Оптовые и розничные склады ломились от товарных запасов. Но прилавки, искусственно отсеченные от товаров дезорганизацией планового ценообразования, опустели. Потребление и товарное снабжение советского народа было парализовано. Пустые прилавки, бесконечные очереди в считанные месяцы породили цепную реакцию социального недовольства. Откат к отношениям и формам самого звериного, хищнического, людоедского капитализма, царящего ныне разве лишь в экваториальной Африке, был практически подготовлен.

Тогда только на авансцену вышли реформаторы-реакционеры. В финальном акте реакционной трагедии на их долю выпало сыграть роль витринных зазывал. От них требовалось придать справедливому социальному недовольству советских людей несправедливую антисоветскую направленность. Рады стараться, витийствующие зазывалы разверзли пропагандистские хляби лжи и обмана. Они исподтишка подталкивали страну в русло отсталого капитализма: стихийного, ничтожного, компрадорского, словом – частнособственнического.

На передний план выставлялись при этом красочные достижения и ценности капитализма передового, организованного, развитого, государственно-корпоративного – шведского, германского, французского, американского. Обществу «перестроечной» нищеты противопоставлялось «общество благоденствия», хотя оно служило всего лишь благовидной ширмой, скрывающей сугубо антисоветскую цель системных перемен. Знай советский народ, что на самом деле его поджидает африканский капитализм, несопоставимый даже с латиноамериканским, да еще привитый к кланово-племенному государственному устройству, вряд ли преуспели бы тогда зазывалы в отсталость.

Иной цели, кроме антисоветской, у реакционеров не было. Они преследовали ее слепо, маниакально, по макиавеллевской заповеди: цель оправдывает средства. И потому действовали, во-первых, с презрительным равнодушием к повышению эффективности товарного производства и качества жизни населения, вразрез с животрепещущими интересами и чаяниями социального большинства; во-вторых, разрушительными внеэкономическими методами – принудительно, диктаторски, бесчеловечно; в-третьих, в угоду «Вашингтонскому консенсусу», нацеленному на глобализацию «империализма доллара» за счет включения в

геополитическую сферу, подвластную долларизации и печатному станку ФРС США, бывших республик Советского Союза и стран СЭВ, на долю которых в 1980-е гг. приходилось более $\frac{1}{6}$ земной суши; в-четвертых, не останавливаясь перед депопуляцией и десуверенизацией России, которая и без того унаследовала всего лишь $\frac{1}{15}$ суверенитета СССР – причем, надо заметить, скорее номинально, нежели реально.

Последнее обстоятельство заслуживает особо пристального внимания. Базы НАТО размещены ныне на территории бывшего СССР, на территории стран бывшего Варшавского Договора, в то время как военных баз СНГ на территории стран НАТО нет. Суверенитет пореформенной России обложен по периметру ее границ, окружен со всех сторон, замкнут в геополитическое кольцо. Ничего подобного не знает больше ни одна развитая держава планеты. Не допускал подобного и Советский Союз.

Есть еще один повод для раздумья. Взятие в кольцо и систематическое его сжатие вокруг суверенитета России, с эшелонированием впритык уже позиций американской противоракетной обороны, явно коррелирует с феноменальным реформаторским метаморфозом. Суть его такова: *начатые в конце 1980-х гг. как антисоветские, «радикальные реформы» продолжились в последующие 1990-е гг. как откровенно антироссийские.* Децентрализация инфраструктуры, всей отечественной экономики безостановочно подталкивается частной собственностью до критической черты, за которой начинается дефедерализация политической надстройки, государства.

Происшедший метаморфоз стал неприятным сюрпризом для тех из реформаторов, которые относят себя к патриотам. Следуя завету февралистов 1917 г., они искренне хотели бы удовлетвориться трансформацией Советского Союза в дореволюционную Российскую империю, поставив на том точку. Но ход событий, направляемый объективными законами, а не субъективными пожеланиями, начисто смыл наивные иллюзии. Денационализация вскрыла ящик Пандоры системного прошлого, вывалив на нашу страну все старые беды. Дореволюционную империю тоже заполнял компрадорский капитал, который вкупе и заодно с иностранным расшатывал и крушил ее многонациональное единство. В зарубежных геополитических проектах Россия 1917 г. уже всюду разделялась на сферы влияния различных держав. Страна неудержимо катилась к катастрофе распада, как Австро-Венгрия, пока не наступила спасительная для республиканских основ Октябрьская революция.

Согласно объективным законам истории, на основе низшего, частнособственнического капитализма единство многонациональной государственной федерации исключено объективно. Слишком уж неравны в таком случае векторы тяги объединения и разъединения. Центробежные силы опираются на экономико-этнические интересы частной собственности, тогда как центростремительные – только на запреты политического принуждения, которое по действительности само зависит от воли частных собственников, а стало быть – от тех самых буржуазно-националистических интересов, какие призвано держать в узде.

Общеизвестен тезис, что капитал не имеет национальности. Являясь положением научной классики, оно совершенно справедливо. Но неотрывно от него и продолжение. Верно, капитал не обладает национальностью – зато ею обладает персонифицированная, частнокапиталистическая собственность. Согласно классической политэкономии, капитал всегда суть общественная сила; частной же собственности быть общественной силой не дано. Каким бы интернациональным ни было хождение капитала, присвоение по капиталу везде и

всюду национально. Потому-то, кстати, процесс капиталистического присвоения всегда воспроизводит не какую-нибудь абстрактную, а национальную и националистически настроенную буржуазию.

Все той же этнической идентичностью частной собственности и частных собственников исчерпывающе объясняется наблюдаемая после 1991 г. лихорадка поспешности, с какой компрадорский капитал взялся обращать российскую собственность в иностранную, истово перекачивая за рубеж национальное достояние пореформенной России. Если учесть еще, что это всецело паразитический *капитал-собственность*, то становится совершенно ясно, отчего он стремится как можно быстрее поменять отечество, обрекая на произвол судьбы прежнюю родину. Стихия разорения и опустошения понеслась по России.

Глубоким, классически строгим пониманием компрадорской, паразитической и спекулятивной природы капитала-собственности отличались октябристы 1917 г. Знание политической классики помогло им найти исторически новаторский экономический базис федеративного единства в виде деперсонифицированной, национализированной, федеративной в сущности собственности. В общесоюзной своей форме она точно лишена национальности, а потому неделима по национальному признаку. Да, революционеры признавали буржуазное право наций на самоопределение вплоть до отделения. Но вместе с тем хорошо знали, что последнее слово останется за экономическим базисом и адекватной ему политической союзно-федеративного объединения и единства.

Кстати говоря, отечественная история запечатлела один парадокс, не знающий прецедента. Ожесточенная война между защитниками и врагами советской власти от начала до конца оставалась чисто гражданской, нигде, даже на самых отсталых окраинах страны не переходя в межнациональную и националистическую. Как ни силилась национальная буржуазия в центре и на местах противопоставить социальным лозунгам националистические, чтобы превратить войну из гражданской в буржуазно-национальную, как ни взывала к этнической и религиозной самобытности, сбить революционный порыв трудящихся масс ей не удалось.

Непреодолимым для национальной буржуазии явился сам базис революции, нерасчленимый какой-либо этнической секирой благодаря национализации земли, заводов и фабрик, банков, транспорта, инфраструктуры.

Пока Советский Союз стоял на базисе единой собственности, он усиливался, тогда как теневая социальная база контрреволюции слабела и сокращалась. Однако после Великой Отечественной войны под национализированный экономический базис сверхмощную мину замедленной децентрализации – региональной и отраслевой – сумел заложить хозрасчетный капитализм, в интересах и под диктовку которого состоялась реформа 1965 г. Минуту два десятилетия, система «хозрасчета предприятия» довела массу теневой буржуазии до критической. Грянул социальный взрыв, и открытая контрреволюционная денационализация уже камня на камне не оставила от бывшего фундамента. Расчленение общесоюзной собственности моментально пошло по этническим ответвлениям, вследствие чего тут же трансформировалось в межнациональный раскол и политический развал Советского Союза.

Надо иметь в виду, что многонациональным составом выделялся не только СССР: многонациональна и Россия. Поэтому денационализация и господство частной собственности, всегда этнической, являют собой столь же смертоносное орудие для единства России и

постсоветских республик, сколь и для Советского Союза. По данному пункту справедлива констатация Н.А. Назарбаева: «Сегодня можно открыто сказать о том, сколь велика и реальна была для всех постсоветских стран опасность разлома по этническим и религиозным основаниям. В этом отношении более чем показателен реальный пример параллельно шедшего распада югославской Федерации»⁴.

Перерастание антисоветских реформ в антироссийские не случайно. Наоборот, оно закономерно, так как обусловлено этнической принадлежностью частной собственности. Трагические примеры данной закономерности в новейшее время воплощаются в «балканизации» – с расколом и буржуазно-националистической враждой некогда единых государств, а у нас в стране – в вооруженном буржуазно-националистическом сепаратизме на Кавказе.

В действительности ничего абстрактного не бывает: ни абстрактного капитализма, ни абстрактной конкуренции, ни абстрактной демократии, ни абстрактного либерализма. Практика всегда конкретна. Капитализм подразделяется в реальности на низший и высший, на неразвитый, недоразвитый и развитый, на неокOLONиальный и имперский – в зависимости от достигнутой стадияльной формы собственности и стадии развития; конкуренция – на разрушительную и созидательную и т.д. Вместо развитого капитализма реформы заставили Россию откатиться к недоразвитому, неокOLONиальному, зависимому от имперского во главе с американскими ТНК.

То же самое и абстрактный либерализм, к которому не перестают апеллировать реакционеры: на деле он обернулся воинственной антигосударственной идеологией, в корне враждебной всему централизованному, включая федеративное устройство, и всему нормативно регулируемому, включая даже стандарты безопасности жизни и здоровья. Расписываемая на все лады абстрактная свобода вылилась в диктатуру олигархической и компрадорской анархии, раздирающей экономические и политические скрепы федерализма.

В капиталистическом обществе царит своевластие того, в чьей собственности командные высоты экономики. Если они в частной собственности, тогда ограничиваются свобода и суверенитет государства; если в государственной, то ограничивается свобода и социальная безответственность буржуазии: неважно – национально ориентированной, олигархической или компрадорской. Дифференцирование собственности, а оно есть неотъемлемый атрибут низшего, частнособственнического капитализма, постоянно воспроизводит данную противоположность. В случае же многонационального государства оно доводит поляризацию до крайности, до центробежного буржуазного национализма, всеми силами вырывающегося из сковывающей его федеративной оболочки.

В период 1991-1998 гг. так и происходило. Обетованная для реформаторов частнособственническая диктатура зримо и незримо расчленила Россию на удельные княжества этнического капитализма, всечасно порождая хрестоматийно известную для многонациональных государств тягу к буржуазному национально-этническому и конфессиональному самоопределению – вплоть до отделения. Фактически, то была первая проба нашей страны на разрыв.

Хотя после августовского дефолта 1998 г. диктат олигархической собственности подвергся известному ограничению, вслед за чем были предприняты усилия по восстановлению вертикали государственной власти, опасность дефедерализации отнюдь еще не снята.

Окончательно угроза будет отведена тогда лишь, когда под федеративную вертикаль власти удастся подвести вертикаль интегрированной собственности, в принципе неделимой по этническому или территориальному признаку.

Как видим, *внешне разнообразные проблемы развития нашей страны все до единой сходятся в одном сингулярном ядре собственности*. Какая бы тема ни затрагивалась, в каком бы доктринальном зеркале ни отражалась – классическом, кейнсианском, «неоклассическом», институциональном, монетаристском и т.п., подоплека все равно суть системная, поскольку так или иначе восходит к фундаментальному системному вопросу – вопросу о собственности. Эксплицитно или имплицитно он выступает поистине центральным в ходе любой общественной дискуссии, и тем более – по уровню жизни населения.

Безусловно, каково решение системного вопроса, такова и перспектива России. Бесчеловечные, асоциальные, внеэкономические реформы частнособственнического толка дали совсем не то решение, какое диктует жизнь. Они не открыли, а закрыли перед Россией простор современного развития. О том безоговорочно свидетельствует, как увидим, динамика пореформенного благосостояния россиян, в связи с чем реакционеры и взялись за ее фальсификацию.

Поэтому задача нового исторического этапа предельно ясна – это обретение Россией перспективы социально-экономического прогресса. А оно требует нового системного выбора, с утверждением в качестве базисной и ведущей исторически новой формы собственности, интегрированной.

Несомненно, поворотный характер переживаемого момента отчетливо осознается различными социальными силами. Если бы наша страна шла сейчас верным путем, ей не надо было бы никуда сворачивать. С правильного пути не сворачивают. Наоборот, сворачивают с неправильного пути, чтобы найти и выйти на правильный.

Своеобычность момента в том, что нынешний путь считают неверным и сторонники истины, и ригористичные ее противники, стремящиеся вторично обездвигнуть Россию «шоковой терапией». Те и другие исходят при этом из принципиально различных доводов, будучи категорически непримиримы насчет того, какой путь является верным, какая форма собственности должна стать владычицей командных высот экономики на ближайшем этапе.

II. Ключевые варианты системного выбора

По критерию перспективы социально-экономического развития принципиальные варианты объективно предстоящего системного выбора можно подразделить на *прогрессивный, консервативный и реакционный*.

II.1. Прогрессивный системный выбор

Прогрессивным представляется выбор плано-регулируемой системы воспроизводства, приведенной в строгое соответствие с законом вертикальной интеграции собственности, который предписывает нулевую рентабельность всех звеньев промежуточного производст-

ва ради максимума расширенного воспроизводства совокупной добавленной стоимости, или иначе – ради максимальной системной конкурентоспособности и покупательной способности россиян.

Базисной и общесистемной формой собственности становится тогда вертикально-интегрированная – поначалу преимущественно смешанная, государственно-корпоративная; основным звеном – крупная межотраслевая корпорация, по строению и масштабу однотипная с ТНК; механизмом регулирования – планово-нормативный; целевой функцией и регулятором обратной связи – агрегированный мультипликатор добавленной стоимости, производительность труда и покупательная способность населения, в первую очередь экономически активного, занятого созидательным трудом.

Прогрессивный системный выбор означает планомерное превращение раздробленного ныне отечественного народного хозяйства в консолидированную *неоиндустриальную экономику ТНК*, качественно однородную с экономикой ТНК передовых индустриальных стран мира, а потому конкурентоспособную по всем ключевым параметрам – от организационного строения, стимулов к инновациям и эффективности труда до уровня и социальных стандартов жизни.

Современный этап социально-экономического развития отличается одним строгим и непреложным тождеством, равносильным теореме: *экономика может быть конкурентоспособной тогда и только тогда, когда конкурентоспособна экономическая система общества*, т.е. система организации и функционирования общественного воспроизводства. Прямым законом системной конкурентоспособности как раз и выступает закон вертикальной интеграции собственности, труда и производственного капитала. В сущности, это специфический закон высшей стадии развития капитализма, или просто – высшего капитализма. Поэтому без вертикально-интегрированной собственности не бывает ни высшего капитализма, ни неоиндустриализации, ни конкурентоспособности.

Вопреки реакционной идеологии и примитивным воззрениям реформаторов, *не рынок и не конкуренция делает капитализм высшим и конкурентоспособным, а вертикальная интеграция*. Можно взять любую из передовых индустриальных держав мира, и в каждой – при всех национальных различиях экономической модели – обязательна и неизменна четко выраженная системная общность: в каждой имеется система реализации закона вертикальной интеграции – с преобладанием смешанной государственно-корпоративной собственности и экономики межотраслевых корпораций. В каждой первичное присвоение основной массы добавленной стоимости поднято по системной вертикали: с уровня частного отраслевого предприятия на уровень межотраслевой корпорации, внутри корпорации – с уровня добывающего и промежуточного производства на уровень конечного, специализированного на выпуске продукции с высокой долей добавленной стоимости, и далее – до сферы личного потребления.

Англосаксонская ли модель, «рейнская», японская, китайская – все равно ни единого исключения нет. И не может быть, если берется развитая держава высшего капитализма, осуществляющая подъем к неоиндустриальному обществу. Исключение составляют лишь слаборазвитые страны, а они отсталые и неразвиты именно потому, что не добились создания конкурентоспособной экономической системы, не доросли до выполнения требований закона вертикальной интеграции собственности и общественного воспроизводства.

Организация крупных, общенациональных по масштабу межотраслевых корпораций равнозначна организации единых вертикально-интегрированных технологических цепочек, охватывающих полный цикл воспроизводства конкретных видов конечной наукоемкой продукции с высокой долей добавленной стоимости. На базе вертикально-интегрированной собственности в корпоративных цепочках добавленной стоимости достигается организационно-экономическое объединение технологически смежных предприятий добывающей и обрабатывающей индустрии, подразделений НИР и НИОКР, инфраструктуры оптовой и розничной торговли, специализированной сети средних и малых предприятий, мощностей по утилизации и рециркуляции производственных и бытовых отходов, центров подготовки и повышения квалификации кадров.

Нелишне подчеркнуть: сырье, материальные ресурсы, полуфабрикаты выходят из корпоративной цепочки добавленной стоимости не иначе как в составе готовой продукции конечного спроса. Поэтому более эффективной формы связи и взаимодействия добывающего и обрабатывающего секторов промышленности в нынешних условиях нет и быть не может. Соответственно, диверсификация отечественного хозяйства, сопровождаемая кардинальным увеличением доли высокотехнологичной продукции в структуре совокупного выпуска, тождественна вертикальной интеграции всего общественного воспроизводства. В общем, пока система собственности не подчинена закону вертикальной интеграции, какая-либо структурная диверсификация практически неосуществима.

Немаловажно также, что внутренняя интеграция экономики органически дополняется внешней. В силу ведущих закономерностей современной эпохи *хозяйственная интеграция начинается как национальная, а по мере становления и укрепления перерастает в транснациональную*. Раз начавшись, вертикальная интеграция собственности развивается далее по логике воспроизводства в условиях гибких корпоративных цепочек добавленной стоимости, куда в виде звеньев могут входить предприятия различных стран, в первую очередь союзных и дружественных. Вместе с преобразованием отечественной экономики из дезинтегрированной ныне во внутренне интегрированную экономику ТНК фактически создается мощный воспроизводственный фундамент единого экономического пространства, или иначе – общего рынка стран СНГ.

Скажем прямо: *дезинтегрированная Россия не справится с функцией интегратора СНГ, внутренне интегрированная – справится*.

Прогрессивный системный выбор связан с исторически новым для нашей страны решением вопроса о собственности: в точном соответствии с законом вертикальной интеграции. В сущности, повторимся еще раз, это закон системной конкурентоспособности общественного воспроизводства, или конкурентоспособной макроэкономической системы. Только вертикальная интеграция гарантирует реальную диверсификацию отечественной экономики, поскольку обеспечивает надежную смычку добывающей и обрабатывающей индустрии, устраняя сырьевой перекос народнохозяйственной структуры, стимулируя новую индустриализацию России – высокотехнологичную, технотронную.

Соответственно тому, принцип единства слова и дела в экономической политике государства предполагает, с одной стороны – точную стратегическую установку на диверсификацию посредством неоиндустриальной модернизации, с другой – результативные действия по крупномасштабной вертикальной интеграции всего народного хозяйства, начиная с до-

бывающих и обрабатывающих предприятий, инфраструктурных монополий. В противном случае расхождение между словом и делом неминуемо, что абсолютно несовместимо с настоятельной необходимостью вступления нашего общества на более высокий, неоиндустриальный этап современного развития.

В передовых индустриальных странах мира процесс вертикальной интеграции собственности происходит эволюционно на протяжении последних 50 лет. Тем временем антисоветская «перестройка» и разрушительные реформы отбросили Россию в противоположном направлении, вынудив пойти назад, к расчленению и дроблению собственности. Реформаторы навязали приватизацию вместо интеграции. Из-за попятного зигзага потеряна четверть столетия, вследствие чего время на эволюционный ход событий фактически исчерпано.

Чтобы наверстать упущенное в социально-экономическом развитии, России нужно форсировать межотраслевую консолидацию собственности. Целесообразнее всего перейти на поступь плановых пятилеток при движении к собственной экономике ТНК и экономической системе, адекватной *закону вертикальной интеграции, или, что одно и то же – закону неоиндустриализации.*

В частности, стратегический замысел первой неоиндустриальной пятилетки можно сформулировать одним тезисом – прорыв 50 промышленных корпораций России в число 500 крупнейших на планете.

В конечном счете *прогрессивное решение вопроса о собственности – в пользу вертикально-интегрированных ее форм и отношений – обеспечивает появление движущей силы неоиндустриальной модернизации, что открывает перед нашей страной перспективу быстрого восстановления стратегического и геополитического паритета с ведущими индустриально развитыми державами мира. Преображение России в неоиндустриальную, сильную и независимую – таков итоговый результат формирования экономики отечественных ТНК.*

В общем, благодаря вертикальной интеграции собственности Россия начнет идти в том же неоиндустриальном направлении, что и группа индустриально развитых держав, но с более высокой скоростью, в темпе наверстывания.

Формально альтернативу прогрессивному системному выбору составляют консервативный и реакционный.

II.2. Консервативная альтернатива

По коренному системному вопросу – вопросу о собственности – консерваторы постулируют недопустимость крупного передела либо трансформации: вне всякой зависимости от того, прогрессивно это или регрессивно. Под запрет равно попадает как переход к исторически передовым отношениям и формам интегрированной собственности, так и откат к частно-олигархической диктатуре. Короче, они предлагают сохранение системного статуса-кво. Но, как увидим, лимит его сохранения близок к концу, и чем дальше, тем явственнее упирается в мощный бастион непосильных ограничений.

Особенность состоит еще в том, что консервативная альтернатива находится под перекрестным огнем сторонников прогрессивного выбора – с одной стороны, и реакционной

альтернативы – с другой. Как возникло столь межеумочное положение, чем оно обусловлено, к чему ведет? Попытаемся разобраться в этом, исходя из системного критерия.

Вопреки стереотипным представлениям, трансформационный период, затянувшийся уже более чем на двадцать лет, распадается не на один, а на два системных этапа. Первый из них можно назвать *олигархически-компрадорским*, или просто асоциальным и антигосударственным; второй – *государственно-олигархическим*. Оба не вывели нашу страну на магистраль социально-экономического прогресса. Напротив – отдалили от нее. Они не разрешили, а усугубили и без того раскаленные системные противоречия экономики и общества. Первый этап приходится на 1991-1998-е гг. – он пройден и остался позади. Второй начался следом и длится до сих пор.

Наиболее деструктивным выдался *первый*, олигархически-компрадорский и асоциальный этап так называемых радикальных реформ. Он характеризуется возвращением к системе безраздельного господства частнокапиталистической собственности, захватившей благодаря денационализации командные высоты экономики и государства, что обусловило внеэкономическое, административно-командное накопление олигархического капитала.

Будучи по происхождению внеэкономическим, олигархический капитал-рантье остался непроектируемым и экономически зависимым также по своему использованию. В строгих категориях классической политэкономии он классифицируется как паразитический *капитал-собственность*, противостоящий индустриальному *капиталу-функции*. На практике он стал воспроизводиться за счет присвоения, распродажи и перекачки за рубеж национального богатства России, созданного героическим трудом предшествующих поколений советского народа. Превращение российской собственности в чужестранную сделалось самым прибыльным бизнесом, обогащающим зарубежные ТНК.

Соответственно, с самого начала денационализации олигархический капитал принял форму компрадорского, подчиненного иностранному и капитулировавшего перед ультимативным «Вашингтонским консенсусом», вследствие чего подталкивал Россию в кабальную долговую и монетарную зависимость, отдавал нашу страну во власть «империализма доллара», критически подрывал российский экономический и политический суверенитет.

Система монопольного господства олигархически-компрадорского капитала-рантье вылилась в коррупционную систему не умножения, а дележа и распродажи национального богатства. Героями дня продажная система, восхваляемая реформаторами как рыночная, сделала тех, кто оптом и в розницу торговал национальным достоянием. Своей идеологией компрадорские временщики избрали *буржуазно-компрадорский либерализм*, требуя для себя свободы прямого, открытого и легального обогащения за счет долларизации и разрушения производительных сил России, ее экономического и человеческого потенциала. На деле либерализм олигархически-компрадорского меньшинства означал свободу присвоения и конвертации российского национального богатства в долларовую прибыль, размещаемую на счетах в иностранных банках.

Свобода для компрадорского капитала обернулась внутренней и внешней несвободой для России, а либерализм для него опирался на экономическую и политическую диктатуру против трудовых слоев общества, против основной массы работников физического и умственного труда. В современных условиях антигосударственный либерализм есть идеология отсталости и нищеты, что все чаще подмечается в научной литературе, включая зарубеж-

ную. Прочитируем, к примеру: «Стандартная экономическая наука, которая пытается осмыслить экономическое развитие в рамках безупречных совершенных рынков, не видит самого главного: совершенные рынки – для бедных»⁵.

Неограниченное всевластие олигархической формы частнокапиталистической собственности сопровождалось разрушительной стихией и анархией денационализации, кровавым хаосом первоначального накопления олигархического и компрадорского капитала, дезорганизацией и резким сужением воспроизводства, деиндустриализацией, стремительной утратой экономического, валютного и политического суверенитета, всеобщей разрухой и опустошением, безудержным падением покупательной способности населения, абсолютным обнищанием большинства россиян, короче – всеобщим системным кризисом, беспрецедентным по своему характеру и масштабу.

Исходом явился августовский дефолт 1998 г., который знаменовал полный системный крах неограниченной власти частно-олигархической собственности, бросившей нашу страну компрадорскому капиталу на поток и разорение. Расстановка сил начала заметно революционизироваться. Кабинет реформаторов-реакционеров пал. Его политическая смерть таила угрозу для самих основ олигархической собственности. Ребром встал вопрос, кто кого: олигархи Россию или Россия олигархов?

Не дожидаясь, пока чаша весов качнется необратимо, компрадорский клан олигархов решил пожертвовать второстепенным ради сохранения первостепенного – господства своей персонифицированной собственности; пусть неполного, пусть ограниченного – но все же господства. Он согласился на раздел доходов с государством, благодаря чему сложилась система крайне необычного, гибридного государственно-олигархического партнерства, когда системное господство остается за олигархической собственностью, но ее доходы частично приватизируются, а частично национализируются.

Подобного рода национализация крайне специфична. Она носит исключительно бюджетно-монетарный и перераспределительный характер, поскольку сводится к налоговому огосударствлению экспортно-сырьевой ренты. Хотя олигархическая собственность подверглась ограничению де-юре, де-факто ее общесистемное господство над командными высотами экономики сохранилось в неприкосновенности. Сам экономический базис не претерпел никаких изменений: каким был, таким и остался. Диктат частно-олигархической собственности ограничен лишь политически, но не экономически. Причем по своей природе данное ограничение таково, что отдано на волю субъективного фактора и потому представляет собой предмет постоянного политического торга.

Заметим особо: именно сосуществование и приватизации доходов, и их национализации делает установленное государственно-олигархическое партнерство противоестественным, а потому шатким, межеумочным, внутренне конфликтным. Оно является больше политическим, нежели экономическим, ибо лишено единого экономического базиса и единства экономических интересов. Долгосрочные и стратегические интересы государства пребывают в постоянной коллизии с конъюнктурными и сиюминутными интересами олигархической собственности. По сути вопрос «кто кого?» не решен, а отложен.

Социальный контракт между сторонами вступил в силу с 2001 г. вместе с законодательно закрепленным механизмом НДС, положив начало второму системному этапу трансформационного периода. С тех пор обременением для олигархической собственности стало

налоговое изъятие части экспортно-сырьевой ренты в государственный бюджет, т.е. *валютно-бюджетная национализация*. Пополняя бюджет за счет сырьевого экспорта и нефтедоллара, правительство обрело возможность поддержки внутреннего спроса на основе бюджетных расходов и их индексации, а олигархический клан сохранил собственность и власть находящегося в его распоряжении компрадорского капитала.

Только валютно-бюджетная национализация позволила обеспечить этап роста совокупного спроса и ВВП в 2001-2008 гг. Более того, лишь благодаря ей сложилась экспортно-сырьевая модель роста ВВП.

Вовсе не сам по себе произошел поворот от спада к росту ВВП. Здесь нет ни грана заслуги реакционеров, хотя стараниями Е.Т. Гайдара они пытались представить дело так, будто рост ВВП в 2000-е гг. подготовлен еще реформами 1990-х гг.⁶ *Вступлением на этап экспортно-сырьевого роста Россия обязана исключительно бюджетно-монетарной национализации сырьевой ренты*, вследствие чего государство получило в свои руки ресурсы для поддержки совокупного внутреннего спроса и проведения политики индексации социальных расходов.

Поэтому, кстати, надо отдавать себе ясный отчет в том, что *для обвального скатывания к экономическому спаду и дефолту достаточно одного – возврата к приватизации экспортно-сырьевой ренты вместо налоговой национализации*. Вариант такого возврата и преподносят деятели реакционной альтернативы под видом «экономики предложения», ибо сокращение государственных расходов означает в действительности отказ государства от национализации экспортно-сырьевой ренты, как то и было в 1990-е гг.

После системного дефолта 1998 г. всякая апология реакционных реформ бесцельна. Это значит, что в принципе не существует таких средств фальсификации, которые привели бы фальсификаторов к вожделенной для них цели. Пытаться, конечно, не запрещено. Но что выходит из такого рода попыток, это наглядно показал материал доклада с ложными оценками уровня жизни россиян в 1989-2009 гг., который при анализе открывает массу доказательств от противоположного, в том числе довольно курьезных⁷.

Ведь это поистине курьез, когда относительно позитивными результатами национализации олигархически-компрадорской ренты реакционеры пытаются оправдывать абсолютно негативные последствия безраздельного господства олигархически-компрадорской собственности. Искусственно соединив разные системные этапы, экспортно-сырьевым ростом ВВП в 2001-2008-е гг. фальсификаторы вознамерились оправдать обвальное падение ВВП в 1991-1998-х гг.

Уловка фальсификаторов обернулась против них самих. Не желая того, они фактически подтвердили, что в современных условиях эффект развития неразрывно связан с обобществлением собственности, а не ее дроблением, с национализацией ради интеграции и взаимодействия людей вместо разрушительной и губительной конкуренции между ними. И если уж скромная национализация доходов обеспечила такой эффект, который льстит реакционерам, то понятно, сколь *громадный импульс и эффект развития России способна дать национализация базисных основ и командных высот экономики: земли, электроэнергетики, транспорта, ТЭК и т.п.*

Подправленная с 2001 г. системная конструкция рассматривалась как средство устойчивости экспортно-сырьевой модели и исправного выполнения Россией функции сырьевого

придатка зарубежных ТНК. Казалось бы, учтены интересы всех: население получило бюджетную индексацию покупательной способности; экономика – государственную поддержку совокупного спроса, какой не имела до 1999 г.; правительство – преемственную стабильность; олигархи – неприкосновенность своей собственности; иностранный капитал – поставки сырья, природных и прочих ресурсов России.

Но затем свой приговор вынесла практика, которая неопровержимо доказала, что гибридная государственно-олигархическая система просто неспособна обеспечить социально-экономическое развитие России и критически зависит от печатного станка ФРС США. Если у кого-то еще оставались какие-либо иллюзии на сей счет, то их окончательно рассеял валютно-монетарный кризис 2008-2009-х гг. Общество убедилось в том, например, что если государственно-экономическая система КНР не позволяет внешнему кризису становиться внутренним, то частнособственническая моментально превращает один в другой, притом в куда более глубокий, острый и болезненный.

В настоящее время консервативная альтернатива и впрямь попала под перекрестный огонь, поскольку реакционеры требуют избавить олигархическую собственность от государственного обременения, тогда как сторонники прогресса, напротив, считают необходимым избавить государство от паразитического олигархического балласта.

Теперь отчетливее проясняется, в чем коренное расхождение между тремя вариантами предстоящего системного выбора. Консервативная альтернатива настаивает на сохранении государственно-олигархического партнерства и политически ограниченного господства олигархической собственности, а стало быть – на сохранении компрадорской экспортно-сырьевой модели. Реакционная альтернатива выступает за экономически и политически неограниченное господство персонифицированной олигархической собственности, требуя освободить ее от всякого государственного партнерства, от малейшей национализации доходов. Прогрессивный же системный выбор предполагает безраздельное господство принципиально новой, вертикально-интегрированной собственности, что влечет полное избавление государства от олигархического капитала и компрадорской экспортно-сырьевой модели.

Годы антисоветской «перестройки» буквально наводнены пропагандой необходимости допущения частной собственности в рамках многоукладного хозяйствования. Но реакционеры не удовлетворились ее допущением. Им мало было ее существования. Они добивались ее верховенства, притом безусловного. Им нужен был – ни больше ни меньше – ее диктат над обществом. Они отбросили «перестройку» как излишне компромиссную, дабы провести антисоветские реформы в бескомпромиссном ключе – с радикальным экстремизмом, с насильственной денационализацией собственности и уничтожением СССР.

Существование частнокапиталистической собственности – это одно, однако ее диктатура в обществе – совсем другое. Переход именно этой системной грани повлек за собой все последующие социально-экономические беды и бедствия, включая поныне длящийся системный кризис. Пореформенная Россия перешла не к абстрактному капитализму, но к исторически конкретному – низшему, отсталому, дезинтегрированному, неконкурентоспособному.

Конечно, в любой из передовых индустриальных держав мира несомненно существование персонифицированной частнокапиталистической собственности. Но это не более чем

существование, это ни в коем случае не господство и не диктат. На стадии современного высшего капитализма нет диктатуры частной, персонифицированной собственности. В условиях высшего капитализма системная диктатура принадлежит вертикально-интегрированной деперсонифицированной собственности – в форме государственно-корпоративной, на которой держится вся экономика ТНК. Посредством межотраслевых корпораций интегрированная собственность возглавляет командные высоты экономики.

Отмеченное уже коренное расхождение между вариантами системного выбора можно выразить по другому критерию, этапному. Реакционная альтернатива настаивает на возвращении России к первому системному этапу, пройденному в 1991-1998 гг.; консервативная – на сохранении второго этапа, начатого в 2001 г.; прогрессивная – на вступлении России в поистине новый, третий системный этап, этап неоиндустриального развития. Оба первых варианта – и реакционный, и консервативный – недалеко уходят один от другого, и в сущности одинаково пагубны для нашей страны.

Надо прямо сказать: задержка на втором этапе и экспортно-сырьевой модели заведомо бесперспективна. Совершенно ясно, что Россия обречена на разрушительный системный кризис до тех пор, пока не приведет систему собственности и воспроизводства в соответствие с требованиями закона вертикальной интеграции. Экспортно-сырьевая модель противоречит им, как и политика равнодоходности внутренних и экспортных цен, а потому абсолютно несовместима с каким-либо развитием вообще, не говоря уже о неоиндустриальном.

На наш взгляд, нельзя не замечать ускоренного убывания той социальной поддержки, которую может рекрутировать консервативная альтернатива. Ее ресурсы и потенциал стремительно иссякают. По всей вероятности, непоправимый уже урон нанес ей валютно-финансовый кризис, который позволил разглядеть подспудный системный кризис до мельчайших деталей, словно с разрешающей способностью электронного микроскопа.

На протяжении 2001-2008 гг. спроектированный системный гибрид демонстрировал видимость работоспособности, поскольку поддерживал совокупный внутренний спрос пропорционально увеличению цен на нефть, т.е. инфляции нефтедоллара. Фиктивность преимущественно валютно-монетарного прироста ВВП скрывалась лишь импортом долларовой инфляции. Но даже в тех условиях видимость была не совсем обманчивой. Она никак не могла скрыть, прежде всего, существования внутреннего системного кризиса, ни в малейшей степени не устраненного перераспределением части экспортно-сырьевой ренты в пользу государственного бюджета и валютных резервов.

Самое прямое и непосредственное проявление системного кризиса выражается в деиндустриализации России, выводе из строя и параличе отечественного производства машинных, технотронных средств производства. Вслед за деиндустриализацией цепь удушающей деградации тянется во все без исключения сферы общества – материальное производство, город и деревню, фундаментальную и прикладную науку, образование, культуру, спорт, здравоохранение, экологию, политическую надстройку, ветви государственной власти.

Что касается причинно-следственного происхождения системного кризиса, то оно легко прослеживается вплоть до самой первопричины. Причиной деиндустриализации служит дезинтеграция добывающей и обрабатывающей индустрии, причиной их дезинтеграции – дезинтеграция собственности, причиной дезинтеграции собственности – господство частнокапиталистической ее формы. Стало быть, причина причин сходится на системном пол-

новластии частнокапиталистической формы собственности, ничуть не поколебленном противоестественным государственно-олигархическим партнерством.

Как известно, бытие определяет сознание. Аналогично и воздействие на умы системного кризиса, все более осознаваемого и отчетливее различимого по своим признакам. Индуцируемое им сознание общества становится подвижнее и пытливей, чем прежде, освобождается от оков идеологии фальши и обмана, все более чутко реагируя на всякое расхождение между словом и делом, на каждый случай социальной несправедливости. Многие изменилось в умах, когда общество воочию убедилось, что радужная картина «тучных лет», подкрепляемая благостным пейзажем очаговой активности институтов развития и национальных проектов, написана кистью и палитрой нефтедоллара, а главными факторами роста ВВП в 2001-2008 гг. были заокеанский монетный двор и печатный станок, запускаемый по команде Вашингтона. И это далеко не единственное прозрение, испытанное обществом.

Не станем говорить об осознании роста без развития, импорта долларовой инфляции, а также фиктивной, инфляционной природы роста ВВП – все это давно проанализировано специалистами и стало общим местом. Оспаривать данные факты или вести в отношении них какие-либо дискуссии уже неуместно. Здесь достаточно ограничиться тем, что общество нуждается в скорейшем их преодолении, но никак не консервации. Поэтому каждый из них следует рассматривать в качестве реального отрицания консервативной альтернативы.

Наряду с ними под вопрос ее ставят и другие крупные ограничения, тщательное осмысление которых представляется чрезвычайно актуальным.

Во-первых, экспортно-сырьевая модель перевела отечественное хозяйство из фазы кризиса в фазу депрессии, демонстрируя полную неспособность перевести его в фазу оживления и последующего подъема.

Сбылись научно обоснованные предостережения: рост без развития, фиксируемый на протяжении 2001-2008 гг., после валютно-финансового кризиса 2008-2009 гг. и впрямь приобрел форму депрессии. Свершившимся фактом стало необычайно медленное и вялое пробуждение отечественной промышленности, которая по итогам января-сентября 2011 г. нарастила выпуск всего лишь на 3% по сравнению со среднемесячным уровнем 2008 г.

Ничего неожиданного в стагнационной динамике нет. Наоборот, являясь объективно обусловленной, она предсказывалась заранее – на основе анализа направленности и системной недостаточности предпринятых правительством антикризисных мер. Две причины предопределяли подобный исход: недееспособность механизма реализации антикризисной функции цены производства и непринятие мер по ограждению промышленного капитала от сферы биржевых спекуляций. Обе исключали масштабное технологическое обновление производительного капитала с выводом морально либо физически устаревшего.

Наблюдаемый ныне темп промышленного выпуска, явно далекий от оживления и подъема, напрямую обусловлен именно отсутствием массового ввода индустриального капитала с более высоким техническим строением. Перед нами вполне закономерный и типичный результат действия компрадорской частнокапиталистической системы, ибо ни на что другое она непригодна, кроме как перегонять потоки денежного капитала на биржу, в сферу валютно-монетарного, чисто спекулятивного приложения. В общем, спекулятивный капитал системно доминирует над промышленным, из-за чего полностью отключена антикризисная функция цен производства. Отсюда – стойкое угнетение всего процесса авансирования де-

нежного капитала в производительный, в новые средства производства и квалифицированную рабочую силу.

В подтверждение предсказуемости депрессии напомним положения из некоторых аналитических публикаций. В одной из них констатируется: если в развитых странах депрессию сменило оживление, то в «нашей стране, к сожалению, дело обстоит иначе. Механизм цены производства не выполняет сейчас какой-либо антикризисной функции, ибо сырьевой и спекулятивный капитал поддерживают высокую норму прибыли валютно-фондовых биржевых операций. Господствуй у нас производительный капитал, индустриально-технологический, положение было бы иным. Но в нашем народном хозяйстве все еще сохраняется господство компрадорского капитала – сырьевого, посреднического и спекулятивного»⁸.

В другой – аналогичный по сути вывод сделан, что называется, прямым текстом: «Для реального экономического подъема России объективно нужна модель неоиндустриального развития, с опорой на промышленный базис государственного сектора. Время такой модели пришло: *без нее Россия перейдет из фазы кризиса в фазу затяжной депрессии*»⁹.

Наконец, исчерпанность потенциала ресурсно-рентной модели показывают многовариантные расчеты, выполненные в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, внимание к чему привлек акад. В.В. Ивантер¹⁰.

Прямоком из валютно-финансового кризиса в депрессию экономику России втянула пореформенная система, основанная на дезинтегрированной собственности. Кризису экспортно-сырьевой модели предопределено было завершиться не оживлением, а депрессией. Такой исход, подчеркнем, предрешен закономерно. Зряшно отрицаемые «неоклассикой» равновесия, объективные экономические законы еще раз наглядно продемонстрировали свою силу и непреложность.

Для характеристики сложившейся депрессивной ситуации ряд экспертов предпочитает термин «застой». Опуская малозначимую символическую переключку времен, определенный смысл здесь уловим, если иметь в виду чрезмерно застойное господство частнокапиталистической собственности в ее олигархически-компрадорской разновидности, а также настоятельность поворота к деперсонифицированной вертикально-интегрированной форме собственности.

Безусловно, при использовании экспортно-сырьевой модели дальше фазы депрессии отечественная экономика не продвинется. Как видим, это было ясно еще в 2009 г. Теперь это исчерпывающе подтверждено практикой, к тому же столь убедительно, что выглядит уже просто данностью.

Естественно, сохранение депрессии в промышленности и экономике едва ли пророчит консервативной альтернативе долгие дни.

Во-вторых, значительное социальное ограничение сопряжено с безостановочным ростом цен и тарифов инфраструктурных монополий – электроэнергетики, транспорта, связи, жилищно-коммунальной сферы и т.д. Ресурсно-рентная модель обращается уже в свою противоположность. Одно дело – изъятие ресурсной ренты у олигархов, и совсем другое – ее изъятие у социального большинства. Действительно, *политика постоянного увеличения цен и тарифов инфраструктурных монополий является политикой изъятия ренты уже не только и не столько у олигархов, сколько у населения страны.*

Тем самым переступается очень тонкая линия, отделяющая отторжение от притяжения. Политическая власть нарывается на всеобщее отчуждение, ибо в результате недовольство олигархического меньшинства, вызываемое частичной национализацией экспортно-сырьевой ренты, сопрягается с недовольством социального большинства, ущемляемого инфляцией и дороговизной.

Нечто весьма схожее наблюдалось в «перестроечные» годы, когда недовольство антисоветских реакционеров слилось воедино с недовольством советского народа, переполнив в конце концов чашу социального терпения. Так и теперь: достаточно лишь смычки одного недовольства и другого, чтобы ситуация повторилась – только уже с Россией. По всей видимости, на это весьма рассчитывают самые твердолобые вояки «Вашингтонского консенсуса», выпуская наперед прямолинейного американского сенатора Дж. Маккейна, у которого по отношению к нашей стране что на уме, то и на языке.

Нынешнюю свою тарифно-ценовую политику правительство мотивирует принципом равнодоходности и включением в цены и тарифы так называемой инвестиционной составляющей – с целью аккумуляции капитальных вложений в инфраструктуру. Но это не оправдание. Напротив, подобная политика являет собой образчик досадного нарушения экономических законов вообще и закона новой индустриализации, т.е. закона вертикальной интеграции, в особенности.

Увеличение цен без увеличения добавленной стоимости увеличивает только инфляцию и фиктивный, спекулятивный капитал, о чем века тому назад знал еще А. Смит. Подлинное накопление растет исключительно благодаря наращиванию выпуска товаров и сокращению издержек. Говоря языком математики, в формулу накопления инфляция не входит. И не может входить по определению – хотя бы из-за межотраслевого взаимодействия, которое транслирует инфляцию, обусловленную инвестиционной или равнодоходной (*net back*) составляющей, из инфраструктурных секторов в смежные с ними, быстро разводя липовые накопления. Достаточно записать базовые матричные соотношения межотраслевого баланса, чтобы уразуметь, насколько бессмысленна всякая манипуляция с ценами и тарифами ради изменения пропорции реального валового накопления в пользу отдельно взятых отраслей.

Между прочим, пора бы уже оставить дурной тон реакционеров и взять за правило обсчитывать принимаемые макроэкономические решения, включая ценовые, многократно примеривая, прежде чем отрезать. Современное государство просто обязано иметь стройную систему стратегических и планово-макроэкономических расчетов во главе с общефедеральным органом. Решения, не выверенные или взаимно не согласованные единым плановым расчетом, субъективны и авантюристичны. Они плодят лишь стихийность, неуправляемость, безответственность всех ветвей и уровней государственной власти, т.е. неэффективность государства и государственного регулирования.

Законы экономики не обмануть: извлекать накопления из инфляции – это все равно что извлекать их из разреженности стратосферы. Своей цели правительство таким путем не достигает. Тем самым лишь закрепляются деиндустриализация, дефицит высокопроизводительных рабочих мест.

Параллельно с дефицитом новых рабочих мест и дороговизной растет социальное недовольство. И поскольку терпение социального большинства неограничено, изъятие ресурс-

ной ренты у населения становится все более жестким ограничением для всей консервативной альтернативы.

Интересы развития России требуют отказаться от асоциальной политики, а отказ от нее тождествен отказу от консервативной альтернативы.

В-третьих, не менее серьезным системным ограничением является прямой, притом исключительно односторонний перелив промышленного капитала в фиктивный и спекулятивный. При нынешней системе ни банковская сфера, ни биржевая не ставят какого-либо заслона для такого перелива. Напротив, они безоглядно обслуживают его, поскольку находятся главным образом в частно-олигархической собственности и пленены ее интересами.

Надо признать, граница между промышленным и фиктивным капиталом изрядно затерта также в развитых странах. В США, например, вследствие многоэтапной ликвидации механизма Гласса-Стиголла; в ЕС – из-за ползучих системных уступок долларовой глобализации, грубо выжимаемых «империализмом доллара» из податливых национальных правительств, особенно в государствах – слабых звеньях еврозоны. Спекулятивный капитал, не до конца отсеченный от высокотехнологического, продолжает активно высасывать фонд накопления, чрезвычайно замедляя оживление и подъем промышленного сектора США и ЕС. Тем самым объясняется невиданная со времен «Великой депрессии» глубина индустриального провала стран ОЭСР в 2008-2009 гг.

Россия же теряет промышленный капитал благодаря частнособственнической системе, компрадорской и спекулятивно-посреднической по своей природе. В отличие от держав ОЭСР, для пореформенной системы вообще нет какой-либо границы между промышленным и спекулятивным капиталом, подобно старым дооктябрьским временам, когда огромной Российской империей словно игрушкой вертели иностранные банки, преимущественно французские и английские, безжалостно используя ее людские ресурсы в качестве своего пушечного мяса.

В литературе неоднократно проанализированы валютно-монетарные факторы, из-за действия которых однозначно выгоднее спекулировать, чем производить. Речь идет, в частности, о недооценке стоимости отечественного промышленного капитала, что влечет его распродажу по дешевке; о перекошенном в пользу спекуляции и экспорта паритете покупательной способности рубля¹¹. Из года в год ученые констатируют системную власть фиктивного и спекулятивного капитала-рантье над промышленным и производительным.

Скажем прямо: валютно-монетарная и банковская сфера не менее повинна в деиндустриализации России, чем дезинтеграция добывающего сектора промышленности от обрабатывающего.

Решение проблемы существует; оно хорошо известно. Необходимо трансформировать валютно-монетарную и банковскую систему так, чтобы спекулятивный капитал мог обращаться в промышленный, а промышленный в спекулятивный – нет. Монетаристские меры здесь бессильны, как и «налог Тобина». Меры должны быть системными. Проблема решается прежде всего интеграцией собственности, концентрацией промышленного капитала в крупных вертикально-интегрированных корпорациях, введением в действие общегосударственного планово-нормативного регулирования совокупного фонда капиталовложений и кредитов, банковской и биржевой деятельности.

Естественно, это те самые меры, которые никак не укладываются в прокрустово ложе

консервативной альтернативы. Но без их осуществления рентабельность и частная прибыль спекулятивных банковских и биржевых операций олигархического капитала-рантье по-прежнему будут на порядок выше, чем в производстве товаров конечного спроса и высокотехнологичных услуг.

В-четвертых, весьма серьезным ограничением выступает заметно возросшая неуправляемость процессов в экономике и государстве. К глубокому сожалению, свидетельств тому более чем достаточно. Это длящаяся череда техногенных катастроф и аварий, в том числе с множественными людскими жертвами: Саяно-Шушенская ГЭС, крушение самолетов, вертолетов, судов и т.п. Это веерные отключения электричества, потери космических аппаратов, длительная неработоспособность отечественной глобальной навигационной системы, перебои с топливом, авиационным керосином, лекарственными препаратами, отсрочка перехода на евро-стандарты бензинов, застывание на низкой отметке объемов и глубины внутренней переработки нефти, нерешенность проблемы утилизации попутного газа, масштаб экологического загрязнения нашей страны, недопустимое состояние могильников вредных и опасных отходов.

Со своей стороны правительство тоже признается в бессилии восстановить управляемость. Как только доходит до дела, оно не в состоянии: администрировать прогрессивный по шкале налог на доходы; организовать переход на почасовую систему регулирования оплаты и производительности труда; обеспечить эффективность федеральных целевых программ; гарантировать качественное, своевременное и целевое расходование средств федерального бюджета, причем на нужды даже оборонной промышленности; изменить критерий стратегического прогнозирования и макроэкономического планирования на производительность труда вместо цены на нефть, и т.д.

Конечно, монетаристская политика, т.е. политика распределения денег без распределения материальных ресурсов, неэффективна сама по себе и должна быть отброшена в пользу политики плановой концентрации ресурсов на приоритетных направлениях новой индустриализации России. Но имеется другой, не менее грозный ограничитель управляемости – *отношения чрезмерного социального отчуждения*. Общество все яростнее саботирует пореформенную систему на всех без исключения уровнях как экономического базиса, так и политической надстройки. Жизнь повсеместно демонстрирует обратную социальную реакцию работников на то, что система грубо саботирует их коренные интересы, отчуждая от конечных результатов. Вместо того чтобы превращать людей в заинтересованных, частнособственническую систему, напротив, делает их незаинтересованными в результатах наемно-трудовой деятельности.

Неуправляемость на уровне «верхов» и безмолвный саботаж на уровне «низов» составляют весьма взрывоопасную, многожды проверенную историей горючую социальную смесь, объективно предвещающая скорый предел и недолговечность консервативной альтернативы.

В-пятых, в обществе изменилось, став менее терпимым, отношение к фактам расхождения между словом и делом. Один из показательных фактов такого расхождения связан с пресловутыми госкорпорациями.

Структура, называемая на словах госкорпорацией, на деле не имеет вертикальной интеграции собственности, труда, производственных мощностей, не объединяет в себе цепочек

добавленной стоимости, интегрирующих добычу сырья, высокотехнологичный обрабатывающий комплекс, науку, НИР и НИОКР, технологии, инфраструктуру сбыта, обслуживания и утилизации готовой продукции, сеть фирменной торговли и платежных терминалов. *Вместо интегрированных госкорпораций в действительности получилась их профанация.*

Так называемые госкорпорации являют полную противоположность межотраслевому взаимодействию предприятий, буквально попирая закон вертикальной интеграции труда и собственности, т.е. закон новой индустриализации. Они представляют собой узкоотраслевые холдинги, или сугубо надстроечные структуры, занятые механическим суммированием отраслевой частной собственности, контролем финансовых потоков и проведением биржевых операций за счет промышленного капитала. Надо признать то, что есть: их интерес сосредоточен на обороте спекулятивного капитала, а не интеграции и расширенном воспроизводстве промышленного.

Не случайно вопрос об эффективности госкорпораций поднимается в последнее время с особой остротой, вызывая горячие, а порой даже горячечные споры. Только реальный его адресат – это всего лишь правовая фикция, начисто лишенная адекватного экономического содержания.

Но на поверхности дело выглядит так, будто деятельность госкорпораций подтверждает тезис о врожденной неэффективности государственной собственности. Между тем сумма частной собственности, пусть и объединенной в одном холдинге, не превращает ее из частной в государственную. Обвинения в неэффективности предъявляются по названию, а не содержанию. Если же исходить из содержания, то так называемые госкорпорации прекрасно иллюстрируют абсолютную недееспособность частной собственности, даже собранной в общий акционерный пакет и замкнутой в один бронированный сейф.

Приведенный факт типичен для консервативной альтернативы, ибо вся она, целиком взятая, образует одно сплошное расхождение между словом и делом. Так, ее сторонники призывают к инновационной модернизации, преодолению экспортно-сырьевой зависимости, выводу России на передовой уровень производительности труда, а теперь даже – к новой индустриализации. Такого рода призывы, несмотря на их декларативность, сами по себе в общем-то правильны и вполне похвальны. Единственный, но сразу же парализующий их минус в том, что призывы остаются словами, ибо за ними нет ни намека на системный алгоритм перехода от слов к конкретному делу.

Без установления новой, вертикально-интегрированной системы собственности до дела просто не доходит. Госкорпорации остаются фикцией, ибо не выстраиваются в виде вертикально-интегрированных цепочек добавленной стоимости, консолидированных единой собственностью от добычи сырья до выпуска, реализации и утилизации готовой наукоемкой продукции конечного спроса. Интегрированные цепочки добавленной стоимости не формируются. Сдвига первичного присвоения добавленной стоимости с уровня промежуточного производства на уровень конечного не происходит.

Как и прежде, в силу господства персонифицированной частной собственности добывающая индустрия функционирует экономически автономно, изолированно от обрабатывающей. Объем и динамика совокупного спроса лимитируются экспортом сырья. Экономическая система продолжает действовать вразрез с требованиями закона вертикальной интеграции, заставляя выжимать максимальную рентабельность из промежуточного, ре-

сурсно-добывающего производства. Спекулировать по-прежнему выгоднее, чем производить. Обработывающая индустрия деградирует, а народное хозяйство еще глубже погружается в деиндустриализацию. Движущая сила неоиндустриальной модернизации отсутствует. Зависимость России от иностранного капитала неумолимо растет, а потенциал экономической интеграции СНГ сокращается.

Вопреки словам и призывам, на деле вся консервативная альтернатива сводится к неприкосновенности системы государственно-олигархического партнерства и экспортно-сырьевой модели – модели проедания национального богатства, модели сохранения критической зависимости нашей страны от нефтедоллара, от печатного станка ФРС США.

Тем самым задается бесперспективность и стагнация экономически слабой России, все дальше отстающей от авангардных рубежей неоиндустриального общества. Причем бесперспективность и стагнация – это вовсе не то, что ждет страну в будущем, а то, что есть уже в настоящем, в условиях второго системного этапа трансформационного периода.

В-шестых, нарастают ограничения, связанные с близким уже окончанием нефтяной эпохи и вступлением человечества в постнефтяную эру. В кризисном 2001 г. еще не было ответа на вопрос о том, по каким направлениям пойдет основной поток капиталовложений. Тогда новые сферы эффективного приложения капитала не просматривались. Последующий ход событий подтвердил это. Основная масса инвестиций оказалась вброшенной в биржевой, фиктивный капитал, вместо нового промышленного. Теперь ситуация в корне иная. В отличие от 2001 г., новые сферы эффективного приложения промышленного капитала просматриваются весьма отчетливо. И, сразу скажем, это особые сферы приложения. Они меняют не только облик производительных сил ближайшего будущего. Они коренным образом меняют весь миропорядок, а после развала Советского Союза он и так не в пользу России.

Новые сферы приложения капитала в передовых индустриальных державах мира представляют прямой и критический вызов для нашей страны. Речь идет о «зеленой» энергетике. «Зеленой» не в том смысле, что она основывается на биотопливе, а в том, что она уже не черная, не углеводородная. Это нетепловая электроэнергетика, которая базируется на постнефтяных источниках и технологиях. По сути, волна неоиндустриальных технологий охватывает теперь саму электроэнергетику, придавая ей кардинально новое качество *экологически чистой*.

Неоиндустриализация подстегивает фундаментальную и прикладную науку. Нанореволюция в материаловедении позволяет получать материалы и эффекты, которые делают экономически эффективными ветровую, солнечную (фотовольтаика), морскую и другие виды электрогенерации – нетепловые, функционирующие без сжигания топлива и без загрязнения атмосферы вредными парниковыми выбросами. Электроэнергетика, основанная на сжигании углеводородов, долго была безальтернативной. Но теперь, когда вполне развиты неоиндустриальные технологии, наступает черед возобновляемой электроэнергетики.

Развитый индустриальный мир развернулся к *электроэнергетике постнефтяной эры*. Темпы капиталовложений в мощности ветровой и солнечной генерации сопоставимы в период 2002-2009 гг. с бумом: их объем подскочил с 30 до 220 млрд. долл. в год. Верным признаком масштабности процесса служит резкое увеличение доли банковского кредитования – она поднялась с 15 до 80%. Это значит, что новые технологии превращаются из экзотиче-

ских и единичных в типовые и массовые. Так оно и есть. Рука об руку с этим процессом идет развитие технологий рециркуляционной экономики. Когда бытовые и промышленные отходы не сжигаются, а сортируются, обогащаются, превращаются в ресурсы повторного промышленного использования. Наконец, есть еще эффективные направления энергосбережения на основе технологий сверхпроводимости.

Итак, неоиндустриальный капитал устремился в трех направлениях: постнефтяная электроэнергетика, рециркуляционная экономика, освоение технологий сверхпроводимости.

Едва ли надо пространно объяснять, какие угрозы и вызовы представляет это для России. Сейчас в ряде стран ОЭСР совокупная доля нетепловой электроэнергетики достигает 12-15%. При нынешних темпах через 5-7 лет эта доля достигнет 35-40%. Стало быть, структура электробаланса изменится кардинально. Опираясь на постнефтяную электроэнергетику, индустриально развитые державы смогут в одностороннем порядке манипулировать мировым рынком углеводородов, рынком нефти и газа. К примеру, смогут безболезненно для себя сбивать цены сколь угодно низко, устраивая кризисы для нефтедобывающих стран не раз в 3-5 лет, а раз в полгода.

Аналогичные возможности предоставляет и рециркуляционная неоиндустриальная экономика. Кругооборот черных и цветных металлов, пластмасс, полимеров, композитов позволяет развитым странам командовать планетарным рынком всего спектра минерально-сырьевых ресурсов.

Отсюда вывод: если Россия не сумеет за 5-7 лет превратиться из сырьевого придатка в неоиндустриально развитую державу, то окажется в такой зависимости от иностранного капитала, из которой выхода не существует. Это будет полная кабала.

Следовательно, нельзя терять время. Сырьевого будущего у России больше нет. Надо решительно порывать с экспортно-сырьевой системой и переходить к экономической системе, которая гарантирует неоиндустриализацию, создание качественно нового производственного аппарата нашей обрабатывающей промышленности. Реформаторские игры закончились. Пора понять: сырьевого роста ВВП уже не будет – никогда, ни при каких условиях. После валютно-финансового кризиса 2008-2009 гг. развитие российской экономики может быть только неоиндустриальным.

В-седьмых, не следует недооценивать силу других ограничений, уже отмеченных. Речь идет о депопуляции России и центробежных буржуазно-националистических тенденциях. К ним следует добавить молодежную безработицу, растущую вследствие недостатка высокотехнологичных рабочих мест. Едва ли это те процессы, которые заслуживают сохранения, и едва ли они совместимы с социально-экономическим прогрессом. Между прочим, в конце 1990-х гг., когда экономическая общественность, ведомая акад. Д.С. Львовым, настаивала на огосударствлении экспортно-сырьевой ренты, существовало отчетливое понимание вынужденного и временного характера такого решения. В то время важно было добиться передачи в руки государства финансовых ресурсов, которые можно безотлагательно бросить на поддержку совокупного внутреннего спроса. Общество нуждалось в экстренной передышке, в избавлении экономики и государственной власти от дезорганизации, паралича, развала, безучастности, т.е. от самых одиозных последствий первого системного этапа трансформации.

Д.С. Львову не надо было доказывать, что рентная модель пригодна только на короткий

период. Тогда не шло даже речи о превращении ее в долговременную. Напротив, было ясно, что без решения вопроса о собственности экспортно-сырьевая модель не дает преодоления системного кризиса. Ученые видели и поддерживали императив быстрого перехода от рентной к индустриальной модели высокотехнологичного развития¹². И, конечно, выступали за устранение системного кризиса и его проявлений: дезинтеграции секторов добычи и переработки сырья, деиндустриализации, импорта инфляции и т.п.

Итак, *консервативная альтернатива фактически заставляет Россию топтаться на месте*, все глубже увязая в отсталости, слабости и центробежных вызовах, в то время как группа держав высшего капитализма продолжает восхождение к самым передовым рубежам неоиндустриального общества.

С точки зрения развития нашей страны – это вовсе не альтернатива. По крайней мере, какой-либо альтернативы прогрессивному системному выбору она не составляет. Кроме того, как показывает характер рассмотренных ограничений, время второго системного этапа практически кончилось.

II.3. Реакционная альтернатива

В отличие от консервативной, она прямо выдвигает на первый план вопрос о собственности. Однако выдает за его решение ничем не ограниченную денационализацию, т.е. приватизацию и дерегулирование. В данном пункте она абсолютно противостоит прогрессивному системному выбору, и относительно – консервативному. Вместо исторически передовых форм и отношений собственности она ратует за самые реакционные, отсталые и бесперспективные, пригодные лишь на то, чтобы тянуть общество назад, в отсталость. Идеалом для реакционеров является возврат командных высот экономики компрадорскому капиталу, а фактически – возвращение России к пройденному системному этапу 1990-х гг., который закончился августовским дефолтом 1998 г. и политическим падением обанкротившегося олигархического кабинета.

Небезынтересна очередная мимикрия реакционной альтернативы: дряхлая и безжизненная, она сменила наряд и преподносит себя в подновленной одежке. Взамен изрядно запачканных обносок – вроде «Вашингтонского консенсуса», либерализма и т.д. – из все того же американского комода наружу извлечены залатанные и перекрашенные. На сей раз в качестве предлога для того, чтобы вторично обрушить на Россию цунами приватизации, извлечена и отряхнута от пыли «экономика предложения», прежде известная как «рейганомика».

С точки зрения реакционной альтернативы экспортно-сырьевая модель видится «экономикой спроса», поскольку государство, национализируя через налоги часть экспортно-сырьевой ренты, направляет бюджетные расходы на поддержку инвестиционного и потребительского спроса. Накопление расходных обязательств бюджета расписывается черной монетаристской краской: оно чревато якобы бюджетным дефицитом, чрезмерным участием государства в экономике, подавлением предпринимательской инициативы, незаинтересованностью частного капитала в создании новых рабочих мест, увеличением государственного долга, снижением темпов роста и т.д.

Согласно нетрудовой монетаристской логике выход единственен: чтобы не впасть в застой, надо вернуть режим полновластия частного капитала и частной собственности, распахнуть настежь двери для иностранного капитала во все сферы российской экономики, включая стратегические. Ради этого следует решительно приватизировать государственную собственность, а также до предела снизить налоги и государственные расходы. В ответ частный капитал, раскрепощенный воздухом свободной конкуренции, примется-де за создание новых рабочих мест, быстро нарастит производство товаров и раскрутит маховик «экономики предложения».

Господства частной собственности сторонники реакционной альтернативы добиваются, как и прежде, не скупясь на пустые слова и бессмысленные посулы. Практика 1990-х гг. истощающе доказала, чего стоят обещания реформаторов-реакционеров.

Дорвавшись до свободы действия, частный капитал занялся не производством, а распродажей национального богатства нашей страны зарубежным ТНК, обращая прибыль в доллары и пополняя свои счета в иностранных банках. Он вывел из строя даже конкурентоспособные предприятия отечественной обрабатывающей индустрии, лишив их кооперационных связей, кредитов и оборотных средств, спроса, инноваций, НИР и НИОКР, торговой инфраструктуры. Он поднял рентабельность добычи сырья и биржевых спекуляций до уровня, недостижимого для промышленного капитала и высокотехнологичных секторов. Перекачивать сырье за рубеж и спекулировать на бирже стало на порядок выгоднее, чем производить товары конечного спроса, не говоря уже о технологически сложной наукоемкой продукции.

На деле вместо «экономики предложения» наша страна получила беспрецедентную деиндустриализацию и массовую потерю высокопроизводительных рабочих мест.

Как известно, по характеру первоначального накопления – внеэкономического – господствующий над командными высотами экономики частный капитал являлся кланово-олигархическим. И уже с первых дней своего господства он проявил себя как компрадорский, став посредником и вассалом Запада; он принялся хозяйничать исключительно в интересах иностранного капитала – вертикально-интегрированного, а потому более мощного, конкурентоспособного и властного. Он выступал не созидателем, а мародером и грабителем, вследствие чего довел большинство россиян до абсолютного обнищания и вознес смертность над рождаемостью.

Статистика зафиксировала неоспоримый факт: демографическая кривая сошла в минус сразу после 1991 г. (график 1). Смертность скакнула вверх, рождаемость упала вниз. Стойкое превышение смертности над рождаемостью стало зловещим реформаторским крестом России. По расчетам на основе данных Росстата, за период 1992-2010 гг. прямая убыль численности россиян достигла 13,25 млн. человек. Это почти в 1,5 раза превышает суммарные войсковые потери Советского Союза во Второй мировой войне.

Между тем М.В. Ломоносов еще 250 лет назад полагал главным делом власти «сохранение и умножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей», избавление «подданных от смерти», т.е. от вымирания¹³.

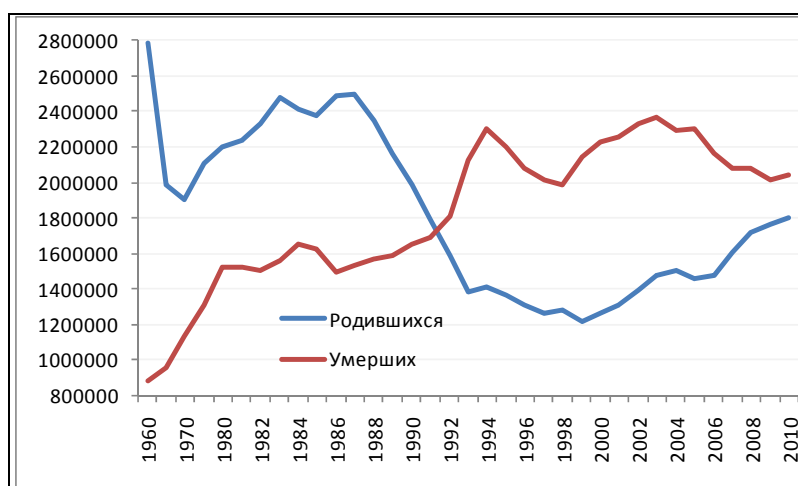
Но реакционеры, называющие себя реформаторами, не считались с наукой: ни с гуманитарной, ни с естественной. Их не остановила даже беспрецедентная депопуляция. В от-

личие от М.В. Ломоносова, идеалом для них выступает отсталая, слабая и малолюдная Россия вместо передовой, сильной и многолюдной.

Частнособственнический капитализм щедро одарил россиян демократией нищеты и свободой вымирания. Прикрываясь демагогией об абстрактных ценностях либерализма, а по сути исповедуя под их маркой антигосударственную идеологию, олигархический капитал-рантье устроил *разрушение без созидания*. Ни на что иное он непригоден. Ему по силам усугубить деиндустриализацию; преодоление же деиндустриализации для него абсолютно непосильно.

График 1

Депопуляция, или реформаторский крест России

Можно по-разному относиться к позиции А.И. Солженицына, но то, что она не компрадорская, это однозначно. И вполне справедливо его обобщение, меткое по точности: «У нас было десятилетие – 90-е годы, когда свободы было выше головы. Как же использовалась эта свобода? Страну раздели догола, хищники угнали сотни миллиардов народного достояния за границу. А образованный класс не боролся с этим, не разоблачал или даже по ошибке аплодировал этому как энергичным реформам»¹⁴.

Россия до сих пор еще не успела оправиться от разрухи и разрушительных последствий, причиненных своевластием, т.е. неограниченной свободой частно-олигархического капитала. А страну опять уже заманивают в повторный виток опустошения и вымирания, пуская в ход ложь и обман.

Наиболее концентрированное выражение позиции, сочлененной с «экономикой предложения», представлено сейчас в промежуточном докладе экспертных групп, занятых обновлением «Стратегии-2020»¹⁵. Острые критики направлены тут против консервативной альтернативы, о чем свидетельствует заглавный тезис: «Страна не может жить почти исключительно за счет экспорта сырьевых ресурсов не только в силу того, что нестабиль-

ность цен на них предопределяет неустойчивость развития, но и потому, что в этом случае она обречена на все большее технологическое и институциональное отставание»¹⁶.

Однако критика эта совершенно притворная. *Смысл выпада реакционеров не в том, чтобы противопоставить экспортно-сырьевой модели экспортно-технологическую, а в том, чтобы извлекаемую из России экспортно-сырьевую ренту сделать частной и компрадорской вместо государственной и бюджетной.* Во всем остальном за Россией удерживается место сырьевого придатка развитых держав, а негативы призвана минимизировать «развитая институциональная и деловая среда». Столь незавидная участь уготована для нашей страны, дескать, «изобилием сырьевых ресурсов»¹⁷.

Как видно, по своему характеру реакционная альтернатива была и остается компрадорской, целиком привязанной к стойлу «Вашингтонского консенсуса» и подкормке иностранного капитала. Она заученно и вымученно размахивает давно битым, заокеанского измышления лозунгом, с которым А.Н. Илларионов носился десятилетие назад: меньше государства, больше рост. В научном сообществе антинаучный жупел А.Н. Илларионова еще в 2003 г. подвергся столь уничижительной критике, что стал моветоном и предметом осмеяния; в полной мере вскрылось и его американское происхождение¹⁸.

Что же касается прогрессивного системного выбора, связанного с превращением России из сырьевой в неоиндустриальную, то для реакционной альтернативы его попросту не существует. Какого-либо отношения к вертикальной интеграции собственности и экономике ТНК она не высказывает – как будто их не существует, как будто не на них высятся передовые державы мира.

Данное обстоятельство весьма примечательно. Дело в том, что «рейганомика» далеко не столь примитивна и однобоко монетаристская, как то преподносят догматики от монетаризма и либерал-капитализма. Они отвлекают внимание преклонением перед незамысловатой «кривой Лаффера», хотя истинной пружиной развития послужила вертикальная интеграция собственности, благодаря которой происходило бурное становление *американской экономики ТНК и государственно-корпоративного капитализма США.* Совсем не случайно, вовсе не само собой вышло так, что именно во времена администрации Р. Рейгана в американской статистике впервые появляется особый аналитический раздел, посвященный *сектору ТНК* и его макроэкономическим показателям.

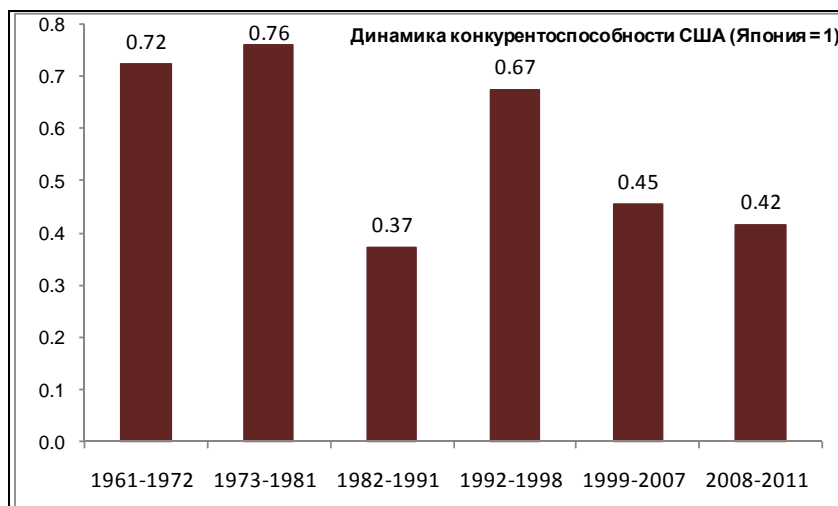
Похоже, реакционная альтернатива намеренно выпячивает третьестепенное в «рейганомике» и скрывает первостепенное, а именно – роль и значение вертикальной интеграции собственности, труда и промышленного капитала. Манипуляции с налоговыми ставками в 1980-е гг. лишь вдвое провалили динамику конкурентоспособности США по сравнению с корпоративной Японией (график 2). Зато *«рейганомика» несколько не затормозила ход вертикальной интеграции,* что позволило американским корпорациям стать в следующем десятилетии движущей силой *новой, технотронной индустриализации.*

Истина в том, что «рейганомика» никоим образом не противостояла процессу вертикальной интеграции собственности и межотраслевой консолидации корпоративных цепочек добавленной стоимости. Да и само облегчение налогового бремени вытребовала для себя именно корпоративная Америка, искусственно раздув чудотворность «кривой Лаффера» и обещая взамен массу новых рабочих мест. Политику «рейганомики» заказал и пролоббировал не кто иной, как пул американских ТНК. И, конечно, отнюдь не затем, чтобы

расстаться с системными преимуществами вертикальной интеграции, расчленив единую корпоративную собственность на мелкие персонифицированные куски.

График 2

Провал конкурентоспособности США в 1982-1991 гг.
как эффект «рейганомики»

Целью пресловутой «экономики предложения» служило увеличение эксплуатации наемного труда. Цель была достигнута. Другое дело, что обратной стороной медали стало заметное снижение конкурентоспособности США относительно Японии. Это было побочное следствие, совершенно непредвиденное близорукими монетаристами и вряд ли желаемое ими.

Кстати, именно экономике американских ТНК проиграл в системном соревновании мелко-котравчатый хозрасчетный капитализм послевоенного Советского Союза. И было бы непоправимой ошибкой забывать о том, что развал СССР стал расплатой за грубейшее нарушение стадияльного закона современной неоиндустриальной эпохи – закона вертикальной интеграции.

Этот исторический урок исключительно важен, жизненно актуален для пореформенной России. Можно сказать со всей определенностью: без вертикально-интегрированного народного хозяйства, основу которого составляют отечественные ТНК, перспективы развития у нашей страны нет и не будет. Перспектива неоиндустриального прогресса открывается исключительно лишь на базе вертикальной интеграции собственности, труда, производительного капитала – всей системы общественного воспроизводства в целом.

Контрастна и поучительна еще следующая асимметрия: если «экономику предложения» в США американские ТНК протолкнули 30 лет назад, опираясь на свою вертикально-интегрированную собственность и, по словам Дж. Гэлбрейта – «техноструктуру» планирования, то сейчас «экономика предложения» навязывается России в качестве прямого антипода

вертикальной интеграции и планирования, т.е. жесткого стопора неоиндустриальной модернизации.

Как видим, отличие «экономики предложения» в США от ее унижительной версии для пореформенной России кардинально. Оно едва ли делает честь тем, кто вовсю спекулирует на абстрактной модернизации ради проведения губительных для нашей страны компрадорских интересов частно-олигархического капитала.

Наряду с тем весьма уместно поинтересоваться: каково отношение авторов упомянутого промежуточного доклада экспертных групп к деиндустриализации? Как уже отмечено, они агитируют за *безраздельное* господство частного капитала над командными высотами отечественной экономики. Спрашивается: позволит ли таковое устранить деиндустриализацию? Доклад посвящен – так указано в его заголовке – «актуальным проблемам социально-экономической стратегии России». Он довольно пухлый, насчитывает не одну сотню страниц. Но вот незадача: по поводу деиндустриализации авторы даже не обмолвились.

На самом деле фигура умолчания тоже вполне красноречива. Пусть и молчаливо, но представители реакционной альтернативы признают, прежде всего, что деиндустриализация не является для них насущной проблемой и что им нет до нее решительно никакого дела. Главное, однако, в другом. Гораздо ценнее то, о чем объективно свидетельствует их умолчание: они понимают все-таки, насколько утопично связывать преодоление деиндустриализации, не говоря уж об осуществлении новой индустриализации, с передачей командных высот экономики во власть частного капитала.

Достойно сожаления, конечно, что крайне злободневная проблема развития нашей страны оказалась совершенно неактуальной для тех интеллектуалов, кто под сурдинку абстрактной модернизации желает переписать «Стратегию-2020» в духе компрадорской реакции. Тем не менее столь прискорбная aberrация сознания объяснима, поскольку проистекает из занимаемой системной позиции и диктуется интересами частнособственнического, олигархического капитала.

Итак, *за перспективу развития реакционная альтернатива выдает ретроспективу 1990-х гг.* Реакционеры жаждут возврата к системе полного господства частно-олигархического капитала. Но откат назад обернется рецидивом параличной немощи и обвалом России вниз, тогда как развитые страны будут подниматься вверх, штурмуя высоты новой индустриализации.

Кратко обобщим теперь характеристику принципиальных вариантов предстоящего обществу системного выбора.

Консервативная альтернатива поддерживает систему ограниченного господства частно-капиталистической собственности; реакционная предлагает реанимировать ее неограниченное господство, как в былые 1991-1998 гг.; прогрессивный же системный выбор отрицает всякое господство персонифицированной собственности и разворачивает к полновластии деперсонифицированной вертикально-интегрированной.

Вокруг данных вариантов системного выбора выкристаллизовывается сейчас расстановка социальных сил, сопровождаемая идейной борьбой за умы.

III. Неоиндустриальный консенсус России и прогрессивный системный выбор

Как и должно быть по законам диалектики, переживаемый нашей страной поворотный в сущности текущий момент индуцирует поворотное общественное сознание. Медленно, но верно освобождается оно от множества иллюзий, мифов и стереотипов, внушаемых реакционерами на протяжении всего трансформационного периода. С опорой на критическое переосмысление пореформенной действительности и сопоставление обещаний с реальностью, сознание общества капля по капле выдавливает отравляющий его яд бездумной веры во всемогущество и эффективность частнокапиталистической собственности, в божественность рынка, «помощь Запада», «ценности постиндустриального общества» и прочие абстрактные фетиши, навязанные апологетической идеологией господства олигархически-компрадорского капитала над командными высотами отечественной экономики.

Пробуждаемое от рыночного наркоза сознание позволяет нашему обществу иначе смотреть на современную историческую реальность, делая для себя все больше поразительных открытий, прежде скрытых от него. Открываются неравномерность и стадийность развития капиталистического мира, подразделение капитализма на высший и низший, передовой и отсталый, развитый и неразвитый, интегрированный и дезинтегрированный.

Одно открытие влечет за собой другое. Наученное горькими уроками и прозрениями минувшего 20-летия, сознание общества уже отчетливо распознает, каково место пореформенной России в этом мире, на какой стороне – высшей или низшей, передовой или отсталой, интегрированной или дезинтегрированной. Не «переход к рынку» занимает теперь умы. Другой переход становится ныне все явственнее выкристаллизуемой целью общества – переход от низшего, дезинтегрированного и недоразвитого капитализма к высшему, системно интегрированному, развитому как по своим производительным силам, так и производственным отношениям.

Это еще не основательный переворот в общественном сознании, но все же кардинальный сдвиг, переоценить значимость которого невозможно. На рубеже 1980-1990-х гг. социальное большинство, доведенное до крайности «перестроечным» саботажем в оптовой и розничной торговле, мало интересовалось, к чему приведут его так называемые рыночные реформы – прогрессу или отсталости. Оно полагало, что хуже уже некуда и хуже не будет. Но затем прошло тяжкое испытание кругами ада реакционных реформ. И в корне переменяло взгляды, когда открыло, что принесенные жертвы и понесенные потери были бесполезными, так и не дав пропуск в лучшую жизнь.

На фоне остальных развал Советского Союза стал тройне горестной жертвой: во-первых, вырванной с помощью массированной пропаганды лжи и обмана; во-вторых, подстроенной благодаря масштабному саботажу оптовой и розничной торговли в соответствии с чилийским образцом 1973 г.; в-третьих, совершенно напрасной.

Очернительству вопреки, жизнь убеждает в том, что *социальные достижения и ценности Советского Союза олицетворяют не прошлое, а будущее всей человеческой цивилизации*, что именно к этим достижениям, идя от кризиса к кризису, продвигается каждая из индустриально развитых держав.

В связи с поворотом в сознании антисоветизм перестает быть тем оружием в битве за

умы, каким привыкли размахивать сторонники реакционной альтернативы. Более того, он превращается в безошибочную идентификационную метку для каждого, кто выступает против возврата России на путь самостоятельного и прогрессивного социально-экономического развития.

Как представляется, вторично обмануть нашу страну деятели реакционной альтернативы уже не смогут. Несомненно, они продолжают свои попытки и усилия. Но времена изменились.

Теперь реакционерам нечем манить в будущее, теперь они манят только в прошлое, о чем свидетельствует написанный ими вариант обновления «Стратегии-2020». Всеми помыслами они устремлены к тому, чтобы выдать ретроспективу 1990-х гг. за перспективу 2010-х гг. Переработка «Стратегии-2020» используется ими как предлог для того, чтобы в замусоленной упаковке «экономики предложения» преподнести убогий антигосударственный либерализм и склонить нашу страну к реакционному системному выбору, к повторной волне разрушительной денационализации. Под сурдинку о современном развитии и модернизации Россию пытаются опять столкнуть на путь несовременного развития, попятного, ведущего в капкан отсталости, нищеты и полной зависимости от иностранного капитала. Однако общественное сознание уже выработало иммунитет против бацилл компрадорской идеологии, поскольку научено опытом и мыслит иначе, совсем не так, как в 1990-е гг.

Теперь общество гораздо пристальнее интересуется тем, куда ведет тот или иной из предлагаемых путей – вперед или назад, на высшую стадию развития или низшую, к прогрессу или регрессу. И менее податливо для пустых обещаний. Все сильнее реагируя на расхождение между словом и делом, оно принимает за правило необходимость демонстрации конкретных доказательств, конкретной причинно-следственной связи между декларируемыми целями и средствами их достижения. Есть что продемонстрировать и деятелям реакционной альтернативы – это массовое недопотребление, абсолютное обнищание россиян, депопуляция, деиндустриализация, долговая кабала и т.п. Но, понятно, с таким арсеналом умы не завоевать.

Если исключить реакционную альтернативу, приверженную «Вашингтонскому консенсусу», то в складывающейся ныне социально-экономической ситуации формируется принципиально новый феномен.

По сути, имеются весомые признаки, которые указывают на готовность общества к *неоиндустриальному консенсусу*. Впервые за весь трансформационный период появилась подлинная альтернатива заокеанскому «Вашингтонскому консенсусу».

Речь идет о социальном отношении к новой индустриализации России. Выдвинутая и обоснованная в 2004-2008 гг., *неоиндустриальная парадигма развития нашей страны* попала в резонанс с умонастроениями, обусловленными беспокойством и равнодушием к исторической перспективе нашей страны, непримиримостью к той ступени отсталости, деиндустриализации и зависимости, на которую отбросили Россию реакционные реформы.

Теперь важно превратить неоиндустриальный консенсус России в системный, дополнив его консенсусом по поводу вертикально-интегрированной, государственно-корпоративной формы собственности.

Новая индустриализация немыслима без вертикальной интеграции. Они неразрывно связаны объективным законом единства, который известен как закон соответствия произ-

водительных сил и производственных отношений. Где не идет вертикальная интеграция собственности, там не идет и неоиндустриализация производительных сил. Общество не в состоянии получить технологически передовые рабочие места, не обеспечив прежде господства передовых форм собственности и организации производства, распределения, обмена и потребления. В таком случае общество просто не обладает движущей силой неоиндустриального развития.

Согласно опыту передовых индустриальных держав, на несколько десятилетий раньше вступивших на порог неоиндустриальной эпохи, движущей силой новой, высокотехнологичной, технотронной индустриализации могут быть только крупные вертикально-интегрированные корпорации. Выстроенные в соответствии с законом вертикальной интеграции, они охватывают полные цепочки производства наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью. Присвоение добавленной стоимости переносится при этом с добывающего и промежуточного производства на конечное и еще дальше, в сферу социальных услуг – жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, культуру, туризм, электронную инфраструктуру торговли и платежей, хранение и передачу информации и т.д.

Всеми достижениями и ценностями неоиндустриального общества, бурное становление которое происходит сейчас, развитые державы мира обязаны кардинальному сдвигу уровня присвоения добавленной стоимости снизу вверх, с промежуточных секторов экономики на конечное производство и конечное потребление. В том и выражается глубинная суть закона вертикальной интеграции, который в строгих категориях политэкономической классики есть не что иное, как закон неоиндустриального этапа обобществления собственности и расширенного воспроизводства производительного капитала общества.

Подчеркнем: это уже вовсе не то умозрительное обобществление, про которое много писалось в книжках советской поры. Это – реальное обобществление в исторически новой форме вертикально-интегрированного, государственно-корпоративного, про которое, к сожалению, тогда ничего писалось. И происходит оно не под внеэкономическим нажимом, а в процессе формирования межотраслевых корпораций, в процессе вертикальной интеграции технологически смежных предприятий и комплексов, совместно объединяющих труд, собственность, науку и ресурсы, создающих механизм интеграционного взаимодействия ради достижения общих конечных результатов, ради устойчивого воспроизводства своего интегрированного промышленного капитала.

Все известные ныне передовые достижения и эффекты прогресса достижимы только в условиях единых вертикально-интегрированной цепочек добавленной стоимости, только на базе экономики ТНК.

Инновации и качество инновационных продуктов нужны, чтобы удержать долю рынка конечной продукции – отсюда устойчивый спрос на интеграцию с фундаментальной и прикладной наукой, инженерной, дизайнерской, экологической, технологической и конструкторской мыслью.

Качество промежуточных изделий необходимо, чтобы снижать издержки от передела к переделу – отсюда передовые стандарты и системы сертификации качества для всей цепочки, от добычи сырья до реализации готовой продукции и утилизации отходов.

Снижение издержек посредством трудосбережения, повышения качества промежуточ-

ных изделий и уменьшения материалоемкости обеспечивает рост скорости оборота совокупного производительного капитала всей цепочки.

Увеличение технического строения промышленного капитала, применяемого вертикально-интегрированной корпорацией, наращивает эффект замещения трудоемкого капиталоемким и потенциал роста производительности труда.

Почасовая система регулирования производительности и оплаты труда гибко, но прочно, планомерно связывает интересы работников и совокупность отдельных трудовых операций с конечными результатами всей цепочки добавленной стоимости.

Планомерно-корпоративная система «точно вовремя» регулирует общий ритм работы составных звеньев и подразделений межотраслевой корпорации, а также ее подрядчиков, исходя из оптимума целевой функции добавленной стоимости, достижимого при текущем наборе возможностей и ограничений.

Система фирменной торговли и сетевого маркетинга позволяет вертикально-интегрированной корпорации превращать рынок сбыта в известный для себя и организованный, что сокращает обратные связи, делает их прямыми, информативными, неискаженными. Инновации, НИР и НИОКР осуществляются тогда не безадресно, а в соответствии с изученными потребительскими запросами, благодаря чему подчиняются целевому проектированию потребительской стоимости конечной наукоемкой продукции. В свою очередь, гарантированная потребительная стоимость выпускаемых изделий помогает организовывать *гибкое производство по заказам, обеспечив реализацию эффекта потребительной стоимости в форме высокотехнологичной ренты*.

Перенос центра тяжести корпоративного присвоения с цены производства на *цену потребления, цену воспроизводства, или цену жизненного цикла конечной продукции*, формирует прямые и устойчивые связи сферы производства со сферой потребления *по критерию максимизации потребительной стоимости*, кардинально снижая затратность цикла.

Разность между эффектом от длительного использования наукоемких изделий и ценой их производства образует *высокотехнологичную, или неоиндустриальную ренту*. Ее появление делает выгодной замену отношений купли-продажи на планомерные и долговременные *отношения гибкого интегрального взаимодействия* типа технологического аутсорсинга или лизинга, аренды машинного времени, проката сложной наукоемкой техники – авиалайнеров, суперЭВМ, томографов, грузовых автомобилей и т.д. Поскольку корпоративная собственность не отчуждается, межотраслевая корпорация заинтересована в высоком качестве, надежности и работоспособности техники или других производимых и выпускаемых объектов на протяжении всего их жизненного цикла с целью максимизации потребительной стоимости, т.е. высокотехнологичной ренты. Масса присваиваемой добавленной стоимости оказывается в зависимости от минимума уже не цены производства, а цены потребления, т.е. всей суммы воспроизводственных затрат за время службы наукоемкой техники, высокотехнологичных сооружений.

Именно вертикально-интегрированный механизм цены воспроизводства, или цены потребления, стимулирует переход от продажи инновационной продукции конечного спроса к использованию этой продукции в качестве источника высокотехнологичных услуг и сервиса: научно-исследовательских, медицинских, транспортных, информационных, жилищно-коммунальных и т.п.

Поэтому-то промышленная добавленная стоимость, создаваемая индустрией, все больше присваивается в смежных секторах, за пределами индустрии. *Только на базисе, целиком корпоративном и неоиндустриальном, и сложилась тенденция увеличения доли высокотехнологичных, неоиндустриальных услуг в объеме ВВП.* Вопреки ложным и утопическим воззрениям, *данная тенденция связана исключительно со становлением неоиндустриального общества, а не выдуманного и умозрительного «постиндустриального».*

Наконец, одной из производной эффекта неоиндустриальной ренты выступает *эффект экологизации экономики и общества*, в дополнение к «устойчивому развитию» нередко называемый в документах ОЭСР «зеленой революцией», «зеленым экономическим ростом» и даже «третьей индустриальной революцией». Причина органической связи обоих эффектов ясна и восходит к закону вертикальной интеграции, в силу которого максимум неоиндустриальной ренты достигается при минимуме экологических издержек на протяжении всего жизненного цикла технологий и изделий, начиная с добывающего индустриального передела. И хотя существующей макроэкономической методологией экологические издержки общества не учитываются системой национальных счетов, допуская рост ВВП за счет грязных технологий и роста загрязнения природной и социальной среды, государственно-корпоративный капитализм разворачивается тем не менее к экологически чистому воспроизводству, но только в той мере и постольку, поскольку оно становится воспроизводством неоиндустриальной ренты. Отсюда также бурное развитие ряда других значимых эффектов неоиндустриального общества: *неоиндустриальных технологий рециркуляции промышленных и бытовых отходов, «зеленой», или постнефтяной электроэнергетики* и т.п.

Все кратко перечисленные *эффекты неоиндустриального прогресса* порождаются и воспроизводятся лишь экономической системой, целиком приведенной в соответствие с требованиями закона вертикальной интеграции. Россия может получить их только вместе с самой этой системой, и никак иначе.

Сокращение доли промышленности, сельского хозяйства, строительства и прочих секторов материального производства, а также соразмерное увеличение доли услуг в ВВП отнюдь не означает дематериализации труда и экономики, или деиндустриализации, как полагают любители «постиндустриальных» мифов. В действительности это прямой результат вертикальной интеграции собственности, прямой результат переноса уровня присвоения из сферы материального производства в сферу конечного потребления и услуг, т.е. из первичных фаз общественного воспроизводства в финишные, заключительные, связанные с непосредственным социальным воспроизводством человека. Такого рода перенос, подчеркнем особо, обусловлен именно обобществлением в форме вертикальной интеграции собственности и самого воспроизводства.

На стадии государственно-корпоративного капитализма воспроизводство промышленного капитала уже невозможно без непосредственного обслуживания физического и духовного воспроизводства человека. Поэтому *неоиндустриализация материального производства неумолимо перерастает в неоиндустриализацию социальной сферы*, которая становится такой же приоритетной сферой замещения трудоемкого капиталоемким, автоматизации и компьютеризации труда, научно-технического прогресса, как отрасли производства машинных средств производства и агропромышленного комплекса.

Благодаря вертикальной интеграции общественного воспроизводства объектом автома-

тизации и компьютеризации стал уже не только физический труд, как прежде, но и умственный труд, интеллектуальный, творческий. На автоматизированной, высокотехнологичной, цифровой основе происходит ныне индустриализация интеллектуального труда. А это и есть новая, технотронная фаза индустриализации, или неоиндустриализация.

Таким образом, *развитые державы мира осваивают сейчас эффекты и преимущества неоиндустриального общества*. Поддержание общественного спроса на высокую производительность труда, фундаментальные и прикладные знания, инновации и качество инновационной продукции, снижение издержек, повышение технического строения производственного капитала, замещение трудоемкого капиталоемким, трудосбережение и сокращение материалоемкости, почасовую систему регулирования производительности и оплаты труда, планово-корпоративную систему «точно вовремя», фирменную торговлю и сетевой маркетинг, гибкое производство по заказам, минимизацию цены потребления вместо цены производства, замену купли-продажи наукоемкой техники отношениями по использованию ее потребительной стоимости на основе сопряженных с ней услуг, перемещение центра присвоения добавленной стоимости из сферы производства в сферу услуг, с чем и связано увеличение доли последнее в ВВП – это существенный признак именно неоиндустриального и вертикально интегрированного воспроизводства.

Зримые достижения неоиндустриального общества нередко приписываются «постиндустриальному», «информационному», «обществу знаний» и т.д. На самом деле *такого рода концепты являются фрагментарным отражением, только крайне поверхностным и неглубоким, противоречивых в условиях капитализма процессов новой индустриализации производительных сил и вертикальной интеграции производственных отношений*. В самих по себе ложных концептах большой беды не было бы, если бы не попытки использовать их для дезориентации общественного сознания, для постановки ложных целей. И потому важно последовательно отделять жизненное от безжизненного, отвергать неверные воззрения – чтобы не сбиться на бесперспективный путь.

Неоиндустриальный консенсус, все более явственно формирующийся сейчас, служит предвестником и залогом того, что Россия обретает и обретет верную перспективу развития. Естественно, все те эффекты прогресса, ценности и достижения неоиндустриального общества, какие жизненно необходимы нашей стране, неотделимы от вертикально-интегрированной собственности, от экономической системы, настроенной на объективные требования закона вертикальной интеграции, закона исторически высшей стадии развития. Все они органически связаны с прогрессивным системным выбором, а он требует решительно отбросить и реакционную альтернативу, и консервативную.

Можно, конечно, продолжить написание различных программ и стратегий модернизации, пытаясь адаптировать их к нынешней, заведомо недееспособной экономической системе, которая не предъявляет спрос ни на производство наукоемкой продукции, ни на высокую производительность труда, ни на автоматизацию физического и интеллектуального труда, ни на повышение качества, ни на снижение издержек и цен, ни на инновации. Но подобный труд сродни сизифову, ибо самые верные наработки, подкрепленные даже политической волей – и те будут лежать мертвым грузом, повсюду натываясь на мертвящие, непреодолимые системные ограничения.

Необходимо действовать иначе. Вначале следует принципиально определиться в отно-

шении вертикально-интегрированной, деперсонифицированной формы собственности и новой экономической системы, приведенной в прямое соответствие с законом вертикальной интеграции воспроизводства.

России нужен системный консенсус в отношении вертикальной интеграции собственности. Сделав принципиальный выбор, социально-экономические программы и стратегии можно разрабатывать, исходя уже из преимуществ передовой экономической системы, в расчете на новые движущие силы социального развития. Решение коренного вопроса открывает перспективу решения всех остальных.

Стало быть, ключевая задача текущего момента видится в том, чтобы *соединить неоиндустриальный консенсус России с прогрессивным системным выбором.* В результате их соединения гарантировано появление мощной и общесистемной движущей силы новой индустриализации нашей страны. В свою очередь, переход к неоиндустриальному обществу обеспечит реальный подъем личного потребления, благосостояния, качества и продолжительности жизни россиян, а также экономической и интеграционной мощи России.

Если водоразделом между реакционной альтернативой и консервативной, между первым системным этапом и вторым стала валютно-бюджетная национализация сырьевой ренты, то водоразделом между консервативной альтернативой и прогрессивным системным выбором, между вторым системным этапом и объективно назревшим третьим служит вертикальная интеграция собственности, благодаря чему командные высоты экономики перейдут в руки государственно-корпоративного сектора, станут системным базисом новой индустриализации России, заинтересованно и потому успешно осуществляемой всем обществом по единому общегосударственному плану.

¹ Подробнее см.: Новый курс России / Рук. авт. колл. С.С. Губанов. – М.: «Палея». 1993. С. 2.

² Чернышев С. Орел-танDEM и птица-тройка // Известия. 2011. 28 октября.

³ Ершов М.В. Мировой финансовый кризис. Что дальше? – М.: Экономика. 2011. С. 48-49.

⁴ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 26 октября.

⁵ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Под ред. В. Автономова. – М.: ГУ-ВШЭ. 2011. С. 49.

⁶ См.: Гайдар Е. Восстановительный рост и некоторые особенности современной экономической ситуации в России // Вопросы экономики. 2003. № 5.

⁷ См.: Уровень и образ жизни населения России в 1989-2009 годах / Рук. авт. колл. Е.Г. Ясин. – М.: Изд. дом ВШЭ. 2011.

⁸ См.: Губанов С. Кризисная динамика: параметры и причины // Экономист. 2009. № 11. С. 10.

⁹ См.: Славин Г. Народное хозяйство в кризисном году // Экономист. 2010. № 1. С. 4.

¹⁰ См.: Ивантер В. Трудосбережение как приоритет // Экономист. 2011. № 1. С. 8.

¹¹ См., например: Ершов М.В. Мировой финансовый кризис. Что дальше? – М.: Экономика. 2011. С. 178-179.

¹² См., например: Львов Д. Экономика России, свободная от стереотипов монетаризма // Вопросы экономики. 2000. № 2; Львов Д., Кимельман С. Об эффективной системе недропользования // Экономическая наука современной России. 2005. № 4 (31).

¹³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. – М.-Л. Изд-во АН СССР. 1952. С. 384.

¹⁴ Неверов А. Александр Солженицын: Не могу смотреть на благоуспокоенность власти // Труд. 2001. 27 апреля.

¹⁵ «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» // Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2011.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 21.

¹⁸ Подробнее см.: Нигматулин Р. Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики. 2003. № 3; Губанов С. Темпы роста и воздействие на них государства // Экономист. 2003. № 6.